

Romantic Fantasy

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES №1

ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЫ — ФАЛЬШИВЫЕ СЕРДЦА

ОБМАНКА

Орден Тьмы

Филиппа Грегори

Обманка

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Грегори Ф.

Обманка / Ф. Грегори — «Эксмо», 2014 — (Орден Тьмы)

ISBN 978-5-04-097212-8

Священник Пьетро, послушник монастыря Лука, его друг Фрейзе, наследница знатного рода Изольда и ее компаньонка Ишрак держат путь в Венецию, чтобы найти поставщиков английских ноблей – валюты, спрос на которую растет с каждым днем. В шаге от чистого золота и тайны вечной жизни герои путешествуют инкогнито, чтобы открыть признаки конца света. Ставки высоки. Стоит ли доверять совершенным английским ноблям?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-097212-8

© Грегори Ф., 2014

© Эксмо, 2014

Филиппа Грегори

Обманка

© Черезова Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Равенна, весна 1454 г.

Четыре всадника остановились перед закрытыми мощными воротами города Равенна. Снег кружил над их сгорбившимися спинами. Тем временем их слуга, Фрейзе, подъехал к деревянным створкам, забарабанил в них дубинкой и громко закричал: «Откройте!»

– Не забудь, что надо говорить, – поспешно напомнил ему Лука.

Им было слышно, как внутри медленно отодвигают засовы.

– Я надеюсь, что при всей своей честности я вполне способен соврать разок-другой, когда нужно, – со спокойной гордостью отозвался Фрейзе.

Брат Пьетро только головой покачал, сожалея о необходимости полагаться на готовность Фрейзе ко лжи.

Ворота были установлены в огромной стене, окружавшей древний город. Укрепления были недавно перестроены: город только что захватили венецианцы, распространявшие уникальную форму правления – республику – на все соседние города, которые питались золотом и подвизались в торговле. Калитка медленно открылась, и перед путешественниками возник вооруженный стражник в ярком мундире победителей, ожидающий просьбы о въезде.

Фрейзе с нескрываемым удовольствием начал свое вранье.

– Мой господин, – объявил он, указывая на Луку, – молодой и богатый аристократ с запада Италии. Его брат – священник. – Тут он указал на брата Пьетро, который действительно был священником, но при Луке состоял писарем и не был с ним знаком до того, как они отправились в путешествие с общей миссией. – Его сестра – прекрасная юная дама. – Теперь Фрейзе указал на красавицу, которая в реальности была леди Изольдой из Лукретили и не состояла ни в каком родстве с симпатичным юношей, а путешествовала с ним ради собственной безопасности. – И ее спутница, смуглая юная дама, едет вместе с ней. – Тут Фрейзе был ближе всего к истине, поскольку Ишрак была подругой и спутницей Изольды с самого детства. Их обеих изгнали из дома, и теперь они ищут способ туда вернуться. – А я...

– Слуга? – прервал его стражник.

– Фактотум, – заявил Фрейзе, смакуя это слово с тихой гордостью. – Я их фактотум.

– Куда едете? – осведомился стражник, протягивая руку за грамотой, в которой они должны были быть описаны.

Фрейзе бесстыдно достал документ с печатью милорда, магистра их тайного папского ордена, подтверждавший историю о том, что они – богатое семейство, направляющееся в Венецию.

– В Венецию, – сказал Фрейзе. – А потом домой. Если на то будет Господня воля, – добавил он благочестиво.

– Цель поездки?

– Торговля. Мой юный господин интересуется морскими перевозками и золотом.

Стражник поднял брови и крикнул, отдавая приказ людям за воротами. Огромная створка открылась, и он, почтительно посторонившись, низко поклонился величественно въезжающей в город компании.

– Зачем мы лжем здесь? – тихо спросила Ишрак у Фрейзе, когда они, как и полагается слугам, замкнули кавалькаду. – Почему не дождаться, пока не окажемся в Венеции?

– Там будет поздно, – ответил он. – Если Лука в Венеции станет выдавать себя за богатого молодого торговца, кто-нибудь может поинтересоваться, как он ехал. Кто-то может увидеть нас в гостинице. Теперь мы сможем сказать, что приехали из Равенны. Если захотят навести о нас справки, то здесь им подтвердят, что мы – богатое семейство. И можно надеяться, что никто не станет проверять дальше, до самой Пескары.

– Но если нас все-таки отследят дальше, за Пескару и до деревни Пикколо, то выяснят, что Лука – исследователь, работающий на самого папу, ты – его друг, брат Пьетро – писарь, мы же с Изольдой вам вообще не родственницы, а просто девушки, едущие с вами ради своей безопасности и направляющиеся к родственнику Изольды.

Фрейзе нахмурился.

– Если бы мы заранее знали, что господин Луки захочет, чтобы он путешествовал в чужой маске, то могли бы отправиться в путь в новой одежде и сорить деньгами. Но поскольку он соизволил сообщить нам об этом только в Пикколо, приходится рисковать. Я куплю нам здесь, в Равенне, богатые модные плащи и шляпы, а остальную одежду придется собирать уже в Венеции.

Стражник объяснил им, как добраться до лучшей гостиницы города – и они легко ее нашли: большое здание у стены замка, на невысоком холме у рыночной площади. Фрейзе спрыгнул с коня и, оставив животное, распахнул дверь и стал громко звать хозяина. Затем он вернулся и принял коней у всех, а Лука, леди Изольда и брат Пьетро прошествовали в гостиницу и потребовали две отдельные спальни с гостиной, как и приличествует знатным особам. Фрейзе помог спешиться Ишрак, и она последовала за своей госпожой, тогда как Фрейзе повел коней и вьючного ослика в конюшню.

Устраиваясь в комнатах, они услышали, как церковные колокола по всему городу призывали к вечерне: город гудел от звона, с башен в небо сорвались птицы. Изольда подошла к окну, стерла со стекла изморозь и проводила взглядом брата Пьетро и Луку, направлявшихся на службу под легким снежком.

– А ты в церковь не идешь? – удивилась Ишрак: обычно Изольда была очень набожной.

– Завтра утром пойду, – ответила Изольда. – Сегодня не смогу сосредоточиться.

Ишрак не нужно было спрашивать у подруги, что ее так отвлекает: достаточно было увидеть, как она провожает взглядом юношу, шагающего по булыжной мостовой.

* * *

Когда мужчины вернулись с мессы, все сели ужинать в отдельной гостиной: Фрейзе принес еду с кухни. Он расставил блюда: пирог, питадин (блин с сытной пряной начинкой), олений бок, запеченную ветчину, жареного цыпленка и зельц – и встал у двери, являя собой воплощение почтительного слуги.

– Фрейзе, ешь с нами, – приказал Лука.

– Я вроде как твой фактотум, – Фрейзе снова с удовольствием повторил красивое слово, – или слуга.

– Никто нас не видит, – сказала ему Изольда. – И если ты не садишься, то становится как-то неловко. Я бы хотела, чтобы ты поел с нами, Фрейзе.

Повторять приглашение не понадобилось: Фрейзе придвинул себе стул, взял тарелку и принялся накладывать на нее большие порции всех блюд.

– К тому же так ты поужинаешь дважды, – с легкой улыбкой заметила Ишрак. – Один раз сейчас, а второй – позже, на кухне.

– Работнику нужны силы, – жизнерадостно отозвался Фрейзе. Намазав толстый ломоть хлеба маслом, он впился в него белыми зубами. – Какая она, Равенна?

– Старинная, – ответил Лука, – насколько я успел увидеть. Большой город, чудесные храмы – местами такие же красивые, как римские. А завтра перед отъездом я хочу сходить в мавзолей Галлы Плацидии.

– Кто это? – спросила у него Изольда.

– В давние времена она была очень влиятельной дамой и приготовила себе великолепную усыпальницу, которую мне посоветовал посмотреть встреченный в церкви священник. Он сказал, что внутри она очень красивая, с мозаиками от пола до потолка.

– Хотелось бы мне это увидеть! – воскликнула Ишрак и покраснела, испугавшись, что Изольда решит, будто она навязывает свое общество Луке.

Увидев, что подруга смутилась, Изольда тоже покраснела и поспешно сказала:

– Конечно, тебе нужно сходить! Пойди с Лукой, пока я буду собирать вещи в дорогу. Почему бы вам двоим не пойти утром?

Брат Пьетро перевел взгляд с одной зарумянившейся девицы на другую, словно они были внушающими беспокойство существами из какого-то другого мира.

– Ну что еще с вами не так? – устало осведомился он.

– Раз уж ты себя выдаешь за мою сестру, а Ишрак – за свою служанку, то вам надо бы обеим пойти посмотреть мавзолей, – сказал Лука, не заметивший смущения девушек. – И, конечно же, Ишрак следует всегда сопровождать тебя, Изольда, когда ты ходишь по незнакомому городу. С тобой всегда должна быть спутница.

– И уж, конечно, мы не сможем проехать через половину христианского мира, когда вы вдвоем устраиваете такое, – мягко добавил Фрейзе.

– Да в чем дело? – Лука посмотрел на обеих по очереди, впервые обратив внимание на их смятение. – Что происходит?

Молчание было неловким.

– Мы поссорились, – неохотно призналась Изольда. – Перед отъездом из Пикколо. Честно говоря, не права была я.

– Вы поругались? – воскликнул Лука. – Но вы же никогда не ссоритесь! В чем дело?

Фрейзе, зная, что они поссорились из-за Луки, решил прийти им на помощь.

– Девушки, – произнес он, ни к кому в особенности не обращаясь, – часто из-за чего-нибудь расстраиваются. Нервные. Как ослик. Считают, будто знают, чего хотят, даже когда это не совсем так.

– Ах, не глупи! – рассердилась Ишрак и повернулась к Изольде. – Надо, чтобы между нами все было, как прежде, а остальное устроится.

Не отрывая глаз от столешницы, Изольда склонила свою светловолосую головку.

– Извини, – проговорила она очень тихо. – Я была совершенно не права.

– Ну, вот и хорошо, – сказал Фрейзе с видом человека, добившегося дипломатического компромисса в сложной ситуации. – Рад, что все уладил. Не стоит благодарности.

– Лучше бы помолились и попросили у Бога терпения, – ворчливо сказал брат Пьетро девушкам. – Господь – свидетель: мне о терпении просить придется.

Он встал из-за стола и с серьезным видом удалился. Когда за ним закрылась дверь, все четверо обменялись смущенными улыбками.

– Но в чем все-таки было дело? – не отступался Лука.

Фрейзе выразительно посмотрел на него и покачал головой, показывая, что ему следует помолчать.

– Лучше не трогать, – посоветовал он. – Как ослика, который наконец утомился.

– И вообще все уже закончилось, – объявила Изольда, – и нам тоже пора ложиться спать. Как только она встала, Лука открыл перед ней дверь и вышел вслед за ней в коридор.

– Ты на меня не обижена из-за чего-либо? – негромко спросил он у нее.

Она покачала головой.

– Я была очень не права по отношению к Ишрак. Она сказала, что обнимала тебя, чтобы утешить в горе, а я разозлилась на нее.

– С чего тебе было злиться? – спросил Лука, но сердце его колотилось в надежде, что он правильно угадал ее ответ.

Она подняла голову и прямо посмотрела на него: ее ярко-синие глаза встретились с его светло-карими.

– Увы, я ревновала, – ответила она просто. Он заметил ее слабую, грустную улыбку. – Ревновала, как дурочка, – призналась она.

– Ты ревновала из-за того, что она меня обняла? – спросил он еле слышно.

– Да.

– Потому что мы с тобой никогда не обнимались?

– Ну, нам же нельзя, – отреагировала она. – Ты дал обет стать священником, а я рождена аристократкой. Мне нельзя расхаживать, раздавая всем поцелуи. В отличие от Ишрак. Она вольна вести себя так, как пожелает.

– Но тебе хотелось бы, чтобы я тебя обнял?

Он шагнул ближе и прошептал свой вопрос ей в макушку, так что она ощутила его теплое дыхание.

Она не смогла произнести этого вслух, а просто наклонилась к нему.

Очень бережно и мягко, слово боясь ее спугнуть, Лука обвил одной рукой ее тонкую талию, а второй обнял за плечи и притянул ее к себе. Изольда положила голову ему на плечо и закрыла глаза, осознавая то острое наслаждение, которое прокатилось по ней, когда она ощутила близость его гибкого тела, силу сомкнувшихся вокруг нее рук.

– Она рассказала тебе, что я поцеловал ее в лоб? – прошептал Лука, наслаждаясь нежным ароматом роз и прикосновением этой юной женщины, которая стала ему желанна с первого взгляда.

Она подняла голову.

– Да, рассказала.

– И это тоже внушило тебе ревность?

В его глазах горели озорные искры. Она сразу это заметила и улыбнулась в ответ:

– К несчастью, да.

– Мне поцеловать тебя так же, как я целовал ее? Так будет справедливо?

В ответ она закрыла глаза и чуть подняла голову. Луке хотелось бы поцеловать ее теплые губы, но вместо этого, следуя собственному предложению, он нежно поцеловал ее в лоб и был вознагражден тем, что она чуть-чуть, едва заметно, качнулась в его объятиях, словно и ей хотелось большего.

В следующую секунду она уже открыла яркие синие глаза.

– Поцеловать тебя в губы? – спросил у нее Лука.

Он зашел слишком далеко. Она вздрогнула и посмотрела в его тепло улыбающееся лицо.

– Думаю, не стоит, – ответила она, но, вопреки словам, ее руки по-прежнему остались у него на поясе – она его не отпустила.

Он продолжал прижимать ее к себе, и она не стала отстраняться.

Очень медленно он наклонился к ней, и ее глаза так же медленно закрылись, а губы потянулись к его губам. Позади них открылась дверь, и Фрейзе вынес грязную посуду. Он остановился, когда увидел их, стоящих рядом в полутемном коридоре.

– Прошу прощения, – жизнерадостно произнес он и прошел мимо них на кухню.

Лука послушно отпустил Изольду, а та прижала ладони к горящим щекам.

– Мне пора идти спать, – тихо сказала она. – Прости меня.

– Но ты больше не сердись на Ишрак и не ругаешь саму себя? – спросил он.

Она повернулась к лестнице, но он видел, что она смеется.

– Я ругала Ишрак, словно базарная торговка! – призналась она. – Я назвала ее распутной за то, что она позволила тебе поцелуй. И вот я!

– Она тебя простит, – сказал он. – И ты снова будешь счастлива.

Она поднялась по ступенькам, затем обернулась и улыбнулась ему. У него перехватило дыхание при виде ее сияющего милого лица.

– Я уже счастлива, – призналась она. – Кажется, я еще никогда в жизни не была такой счастливой.

* * *

Утром Фрейзе отправился покупать новые красивые плащи и шляпы, в которых им предстояло плыть в Венецию, а брат Пьетро с Лукой (придерживаясь легенды о том, что они братья-купцы), с Изольдой и Ишрак (в роли их сестры и ее компаньонки) отправились гулять по Равенне. Город был небольшой, окруженный плотным кольцом крепостных стен. На замковом холме высился громадный замок, царивший над жавшимися к нему неопрытными крышами. Утро выдалось ярким и солнечным, и ночная изморозь уже таяла на красной черепице. К голубому небу на каждом углу возносились колокольни величественных церквей. Самый центр города прорезал неглубокий канал, на каменной набережной которого раскинулся рынок, где торговали разным товаром. Город когда-то был столицей древнего королевства, и широкие мощеные дороги, идущие на север и юг, восток и запад Италии, пересекались в самом центре старинного города.

Девушки задержались у огромного храма, возвышавшегося над другими строениями, и с любопытством рассматривали его розовую кирпичную кладку.

– Храм приковывает взгляды к себе, но тот мавзолей, который я хотел увидеть, находится здесь, – объявил Лука и повел их к скромному строению сбоку.

– Это маленькое сооружение?

Изольде пришлось наклониться, чтобы пройти в низенькую дверь. Ишрак проследовала за ней, а последним шел брат Пьетро. Строение имело форму креста, и вошли они через северный вход. На секунду они задержались в дверях крошечной церкви, затем Изольда перекрестилась и преклонила колена, а Лука восхищенно вскрикнул при виде богатства красок, которое они увидели внутри этого скромного здания.

Каждый кусочек сводчатого помещения сверкал, словно только что покрашенный. Стены, пол, даже арочный свод были покрыты яркими мозаиками. Изольда осматривалась с восхищенным изумлением, а Ишрак не могла оторвать глаз от потолка густо-синего цвета, усеянного сотнями золотых звезд.

– Как красиво! – воскликнула Ишрак. Она подумала, насколько все это похоже на роскошные интерьеры арабского мира. – Что это? Личная капелла?

– Это вообще не храм, это – мавзолей, – объяснил ей брат Пьетро. – Его сотни лет назад построила великая дама-христианка для своего собственного погребения.

– Смотрите! – сказала Изольда, оборачиваясь к двери, через которую они вошли. На большой мозаике над дверью в теплых тонах изображался Добрый Пастырь, опирающийся на посох, с золотым нимбом и в окружении своих овец. – Как такое могли сделать сотни лет назад? Какая нежность в этой картине! Видите, как Он прикасается к овцам?

– А вот история христианина, готового отдать жизнь за Евангелие, – благоговейно произнес брат Пьетро, указывая на противоположную стену, где был изображен мужчина, бегущий мимо языков пламени, с крестом на плече и открытой книгой в руке. – Видите там Евангелие из библиотеки?

– Вижу, – кротно подтвердила Ишрак.

В этом чудесном и священном месте у нее не было желания поддразнивать брата Пьетро за его веру или выражать собственный скептицизм. Она росла в христианском доме отца Изольды, лорда Лукретили, но мать научила ее читать Коран. Дальнейшее образование выработало у Ишрак привычку все анализировать, так что она навсегда останется вопрошающей, а не верующей. Она обвела взглядом яркое помещение – и ее внимание привлекла цветная полоса на белых кусочках мозаики. Окна мавзолея застеклили, но один кусок стекла оказался разбитым. Утреннее солнце, падающее на выщербленный край, бросало разноцветные лучи на белые плитки, а также на белый головной платок Ишрак.

– Смотри, – подтолкнула Ишрак Изольду, – здесь даже солнечный свет разноцветный.

Ее слова услышал Лука – и, повернувшись, увидел яркий разноцветный мазок. Его поразила радуга, сияющая вокруг головы Ишрак.

– Дай мне твой шарф, – неожиданно потребовал он.

Не говоря ни слова и глядя прямо на Луку, она развязала платок, и ее темные густые волосы легли на плечи. Лука протянул ей один конец, а второй взял сам. Они растянули его так, чтобы поймать падающий из окна свет. Белый шелк моментально засиял всеми цветами радуги. Словно исполняя какой-то странный танец, они прошли к окну, наблюдая, как цвета становятся менее насыщенными и размытыми, тогда как полосы становятся шире, а потом снова отошли назад и увидели, что ярко окрашенный луч сужается и становится четче.

– Похоже, разбитое стекло делает солнечный свет многоцветным, – изумленно проговорил он, а потом снова повернулся к той мозаике, которую рассматривал. – И вот, посмотри, – сказал он Ишрак, – здесь мозаика тоже радужная.

У него над головой стена, переходящая в арку свода, тоже была искусно украшена всеми цветами радуги, составлявшими узор. Продолжая держать шарф Ишрак, Лука подбородком указал сначала на радужную мозаику, а потом – на радугу на ткани.

– Тут цвета те же, – сказал он. – Тысячу лет назад они воссоздали радугу из цветов, идущих именно в таком порядке.

– Что вы делаете? – спросила Изольда, недоуменно глядя на них. – На что вы смотрите?

– Это наталкивает на мысль о том, что радуга всегда состоит из одних и тех же цветов, – ответила ей Ишрак: Лука молчал, разглядывая шарф и мозаичную стену. – Это так? Цвета всегда те, которые здесь показаны? На этой мозаике? Не смотри на узор, смотри на цвета!

– Да! – воскликнул Лука. – Как странно, что люди это заметили так много сотен лет назад! Как чудесно, что они эти цвета запечатали. – Он помолчал, глубоко задумавшись. – Так все ли радуги одинаковые? Такими они были сотни лет? И если осколок стекла создает радугу здесь, то что создает радугу в небе? Что заставляет небо внезапно сиять всеми цветами?

Ему не ответили: ответа не знал никто. Никто, кроме Луки, не стал бы задавать подобные вопросы: его изгнали из монастыря за вопросы, находившиеся на грани с ересью. Даже сейчас, когда Орден Тьмы дал ему задание рассматривать все вопросы этого мира и мира следующего, он вынужден был оставаться в тесных рамках Церкви.

– А почему это важно? – спросила Изольда, глядя на восторженные лица своих друзей. – Почему такое вам важно?

Лука передернул плечами, словно возвращаясь в реальный мир.

– Ну, просто любопытно, наверное, – сказал он. – Мы вот так же не знаем причины той огромной волны в Пикколо, не знаем, что создает гром, не знаем, откуда берутся радуги. Мы так много не знаем! И пока у нас нет ответов, люди считают, что эти странные причуды природы – результат колдовства, или чертей, или духов. Они запугивают себя и в результате обвиняют соседей, и тогда я должен выяснять истину. Но я не могу дать простое объяснение, потому что у меня простого объяснения нет. Но здесь... раз те, кто создавал эту мозаику, знали цвета радуги, то, может, они знали и то, что является ее причиной.

– Но почему тебе это интересно? – не успокоилась Изольда. – Разве важно, какого цвета вчера вечером был закат?

– Да, – неожиданно заявила Ишрак, – это важно. Потому что мир полон тайн, и мы сможем что-то понять, только если будем задавать вопросы, исследовать и открывать что-то новое.

– Понимать тут нечего, потому что все уже объяснено, – сказал брат Пьетро, говоря устами Церкви. – Бог установил радугу на небе как обещание человеку после Потопа. «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга Моя в облаке». – Он сурово посмотрел на девушек. – Большого вам знать не надо. – Он перевел свой взгляд на Луку. – Ты – исследователь священного Ордена, – напомнил он юноше. – Твоя обязанность – задавать вопросы. Но следи, чтобы твои расспросы не выходили за рамки твоей миссии. Наш господин и Святой отец приказали тебе выяснить, не наступает ли конец света. Тебе не приказывали задавать вопросы обо всем. Некоторые вопросы – это ересь. Некоторые вещи исследовать нельзя.

Лука в молчании переваривал слова, сказанные старшим членом их компании.

– Я не могу перестать думать, – тихо сказал он наконец. – Возможно, это Бог дал мне любознательность.

– Никто и не хочет, чтобы ты перестал думать, – проговорил брат Пьетро, открывая низкую дверь мавзолея. – Но когда милорд тебя нанимал, он ясно сказал, что ты должен думать только в рамках Церкви. Некоторые вещи не известны, как, например, превращение человека в оборотня, или как причина ужасного наводнения, и правильно будет, чтобы ты их расследовал. Но Бог прямо сказал нам о значении радуги в Священном Писании, так что нам не нужны твои мысли по этому поводу.

Лука склонил голову, но невольно бросил взгляд на Ишрак.

– Ну, а я продолжу думать, надо это вашей Церкви или нет, – заявила она. – И арабские ученые продолжают думать, и люди в древности явно тоже думали, а арабские ученые продолжают переводить их книги.

– Но мы – послушные дети Церкви, – объявил брат Пьетро. – А вот что думаешь ты, девица юная и неверная, никому не интересно.

Он повернулся и вышел на улицу, и все послушно последовали за ним, однако Изольда задержалась в дверях.

– Тут так красиво, – сказала она. – Цвета такие яркие, словно на только что написанных фресках.

Лука вышел чуть позже остальных, и она заметила, что он прячет что-то в карман брюк, прикрыв руку плащом.

– Что у тебя там? – шепотом спросила Изольда.

Брат Пьетро уже направлялся обратно к гостинице.

– Тот осколок стекла, – признался он. – Хочу проверить, можно ли создать с его помощью радугу в любом месте.

Она очень серьезно посмотрела на него.

– Но разве создание радуги – не дело Бога? Как сейчас сказал брат Пьетро?

– Это наше дело, – поправила ее Ишрак, – потому что мы пришли в этот мир, чтобы его понять. И я, как и Лука, хочу проверить, можем ли мы создать радугу. И если ему не разрешат это сделать, то это попытаюсь сделать я. Потому что мой Бог, в отличие от вашего, не возражает, чтобы я задавала вопросы.

* * *

Фрейзе уже ждал их у гостиницы. Они забрались в седла и покинули Равенну, проехав небольшое расстояние вдоль заиленного канала к порту Классис. Их ждал паром, пришварто-

ванный у каменного пирса, а рядом стояли другие торговые суда и знаменитые венецианские галеры.

– И ты решишься взойти на борт? – поддразнила Ишрак Фрейзе, который еще не поднимался на борт корабля с того раза, когда его унесло ужасной волной.

– Если мой конь Руфино может это сделать, то и я могу, – ответил ей Фрейзе. – Он конь редкостной отваги и ума.

Ишрак с сомнением посмотрела на крупного пегого коня, который выглядел скорее придурковато, чем умно.

– Да неужели?

– Не обманывайся внешностью, – посоветовал ей Фрейзе. – Ты смотришь на этого коня и видишь большое неуклюжее создание, а я знаю, что у него есть отвага и благородные чувства.

– Благородные чувства? – Ишрак широко улыбалась. – Правда?

– Так же, как глядя на меня ты видишь красивого приземленного и прямого простолудина. Но у меня есть скрытые глубины и неожиданные умения.

– Правда есть?

– Есть, – подтвердил Фрейзе. – И одно из таких умений – это заводить коней на борт корабля. Можешь сидеть на причале и восхищаться мной.

– Спасибо, – сказала Ишрак и устроилась на одной из каменных скамеек, установленных у стен причала.

Фрейзе повел всех коней и ослика по деревянным сходням, перекинутым с корабля на берег. Кони нервничали, рвались и артачились, но Фрейзе их мягко успокаивал и уговаривал. Ишрак не стала поощрять его веселое тщеславие аплодисментами, однако подумала, что есть нечто трогательное в том, как этот широкоплечий юноша и рослые кони обмениваются взглядами, ласками и негромкими звуками, словно друг с другом разговаривают. Наконец все животные успокоились и проследовали за ним по сходням в стойла, устроенные для них на борту корабля.

Других пассажиров в тот день не оказалось, так что, как только коней благополучно завели на борт, остальные четверо путешественников позавтракали хлебом и легким элем и следом за Фрейзе прошли на корабль. Капитан отшвартовался и поставил парус.

Дорога в Венецию заняла целые сутки при обжигающе холодном попутном ветре. Девушки часть времени проспали в небольшой каюте, но рано утром вышли на палубу и прошли на нос, где стояли закутанные в плащи мужчины, дожидавшиеся рассвета. Внимание Ишрак привлек небольшой изящный корабль, быстро скользивший по темной воде, – черный силуэт на фоне темных волн.

– Эй, паромщик! – крикнула она себе за спину, обращаясь к капитану, стоявшему за рулевым веслом на корме. – Видишь вон ту галеру? Она идет прямо на нас!

– Спускай парус! – закричал паромщик сыну, и тот поспешно бросился развязывать узлы и опускать грот.

– Эй, я помогу! – вызвался Фрейзе, пройдя назад, чтобы помочь спустить парус. – О чем он думает, направляясь к нам так быстро?

Обе девушки, брат Пьетро и Лука смотрели, как несущаяся к ним галера с гребцами на веслах под бой барабана подходит все ближе и ближе.

– Галера должна бы уступить дорогу судну, идущему под парусами, – с тревогой заметил брат Пьетро. – Что они делают? Кажется, будто они решили нас протаранить!

– Это нападение! – внезапно сообразил Лука. – Это явно не случайность! Кто они такие?

Брат Пьетро, щуря глаза в полутьме, воскликнул:

– Я не вижу их штандарта! У них нет фонаря. Чье это судно?

– Фрейзе! – крикнул Лука, поворачиваясь назад и схватив багор как единственное оружие, оказавшееся под рукой. – Берегись абордажников!

– Ставьте парус обратно! – завопил брат Пьетро.

– Нам от них не уйти, – предупредила его Ишрак.

Галера с хорошо обученными гребцами способна двигаться гораздо быстрее громоздкого судна. Ишрак огляделась, ища оружие, ища место укрытия. Однако на их маленьком суденышке были только стойла на палубе и небольшая кабина в трюме.

Фрейзе подошел к ним с дубинкой в руках. Он вытащил из-за голенища нож и отдал его Ишрак, чтобы она могла защититься. Лицо у него было мрачное.

– Не оттоманский ли это лорд за нами вернулся? – спросил он у Луки.

– Это не оттоманский пират, – ответил Лука, глядя, как весла зарываются в воду. Галера стремительно приближалась. – Корабль слишком маленький.

– Значит, кому-то еще очень сильно понадобилось с нами поговорить, – расстроено заметил Фрейзе. – И, похоже, нам этого удовольствия не избежать.

Их каравелла остановилась, покачиваясь на волнах, а галера изменила курс и подошла к их борту. Двое гребцов встали и забросили abordажные крюки, зацепив судно за борт. Изольда едва удержалась от соблазна сбросить их, пока гребцы таинственной галеры выбирали канаты и подтягивались ближе.

Набравшись мужества, Лука с Изольдой посмотрели на галерных гребцов: они оказались свободными, без цепей – и на мужчину, стоявшего на корме.

– Кто вы такие? И что вам от нас нужно? – спросил Лука.

Командир на корме галеры обнажил abordажную саблю. На кованом клинке блеснул холодный свет. Он по-деловому взглянул на обоих.

– Лордом Лукретили мне приказано забрать эту женщину, – объявил он, указывая на Изольду. – Она – беглая сестра знатного лорда, и он приказывает ей вернуться домой.

– Твой брат! – тихо воскликнула Ишрак.

– Я – не она, – тут же заявила Изольда, перейдя на характерный говор южанки. – Не знаю, о ком вы говорите.

Мужчина прищурился.

– Мы шли по вашему следу, миледи, – сказал он. – От монастыря, где лорд, ваш брат, поручил вас заботам благочестивых сестер, до места, где вы объединились с этими Божьими слугами, через рыбацкую деревню и наконец встретили вас здесь. Вас обвинили в колдовстве...

– Ее оправдали! – прервал его Лука. – Я расследователь от Церкви, которому сам папа римский поручил выяснять причины странных происшествий в этом мире и искать признаки конца света. Я освободил ее от всех обвинений. Ее не преследует ни закон этих земель, ни Церковь.

Мужчина пожал плечами.

– Пусть она ни в чем не виновна, но она все равно остается сестрой лорда Лукретили, – равнодушно проговорил он. – Она все равно его собственность. Если он желает ее вернуть, то никто не может отрицать его прав на нее.

– Зачем она ему понадобилась? – спросила Ишрак, присоединяясь к ним у фальшборта судна. – Он так спешил выдворить ее из дома, когда умер ее отец – и так спешил выдвинуть обвинение, по которому ее должны были предать сожжению. Почему он теперь захотел ее вернуть?

– И тебя тоже, – отрывисто бросил мужчина. – Рабыню Ишрак. Мне приказано привезти обратно и тебя. – Он обратился к Луке. – Ты обязан отдать ее мне, потому что она – беглая рабыня, а лорд – ее хозяин. А леди надо отдать мне потому, что она – сестра лорда Лукретили и является такой же его собственностью, как его кресло или конь.

– Я – свободная женщина, – отрезала Ишрак. – И она – тоже.

Он пожал плечами, словно ее слова не имели никакого смысла.

– Ты – неверная, а она – его сестра. Она находилась во власти своего отца, а затем, после его смерти – своего брата. Он унаследовал ее, как и коров на пастбище. Она – его имущество, точно такая же, как телка.

Он переключился на брата Пьетро.

– Если ты помешаешь мне забрать ее с собой, тогда это будет означать, что ты украл имущество лорда Лукретили: его рабыню и его сестру – и я обвиню тебя в воровстве. Если ты ее оставишь у себя, то будешь виновен в похищении.

Фрейзе вздохнул.

– Сложное дело, – нарушил он воцарившееся молчание, – потому что по закону, знаете ли, он прав. Женщина действительно принадлежит своему отцу, или брату, или мужу.

– Я больше не принадлежу моему брату, – внезапно заявила Изольда. Она просунула ладонь Луке под руку и стиснула его локоть. – Мы женаты. Этот мужчина – мой хранитель. Я – его.

Командир галеры перевел взгляд с ее решительного лица на сжавшего зубы Луку.

– Правда? Это так, исследователь?

– Да, – коротко бросил Лука.

– Но ты же церковник? Тебе поручено расследовать конец мира и докладывать своему Ордену?

– Я нарушил данные Церкви обеты и взял эту женщину в жены.

Брат Пьетро шумно сглотнул, но промолчал.

– Взял в жены и уложил в постель?

– Да, – подтвердил Лука, сжав Изольде пальцы.

Короткое молчание – а потом мужчина покачал головой. Он недоверчиво улыбнулся, смерив взглядом обоих.

– Что? Ты с ней переспал? Взял ее с похотью, подмял под себя, заставил кричать от наслаждения? Вы целовались взад-вперед, и ты ласкал ее груди? Ты обнимал ее за талию, а она охотно приняла тебя в свое тело?

Изольда побагровела от стыда. Ишрак пришла в ярость.

– Да, – не моргнув и глазом повторил Лука. – Мы сделали все это.

– Поцелуй ее.

– Но нельзя же!.. – запротестовала Изольда, но Лука повернулся к ней, приставил палец под подбородок, чтобы приподнять ее лицо – а потом поцеловал, медленно и крепко, словно неспособен был оторваться от ее губ.

Изольда была смущена – но ничего не могла с собой поделать: ее голова запрокинулась, руки поднялись к его плечам. Они обнимали друг друга, и одна ее ладонь легла ему на затылок, так что пальцы зарылись в его волосы.

Лука поднял голову.

– Ну вот, – сказал он, чуть задышав, и, наконец, отпустил Изольду. – Как видите. Я, не колеблясь, целую мою жену. Мы стали супругами, и теперь она – мое имущество. Ее брат больше не имеет на нее никаких прав. Она принадлежит мне.

Фрейзе глубокомысленно кивнул:

– Жене положено быть со своим мужем. Его права – основные.

Лицо брата Пьетро перекопилось от ужаса, который вызвала у него ложь Луки, но он ничего не сказал.

Человек из Лукретили повернулся к нему.

– И мне надо этому поверить? Что скажешь, священник? Будешь уверять меня, что женат на той второй? Поцелуешь ее, чтобы это доказать?

– Нет, – коротко ответил брат Пьетро. – Я верен своим обетам.

– Но эти двое действительно муж и жена? Пред Господом?

Брат Пьетро открыл рот. Порыв ветра качнул кораблик, и он ухватился за поручень, чтобы удержаться на ногах.

– Ты будешь свидетельствовать о них перед Богом, – напомнил ему командир. – Я именем Бога требую, чтобы ты сказал мне правду.

Брат Пьетро судорожно сглотнул.

– Поклянись своими священными обетами, – напомнил ему тот. – Правду, именем Господним!

Брат Пьетро повернулся к Изольде, которая стояла, не убрав руки с пояса Луки.

– Мне жаль, – проговорил он еле слышно, – Очень жаль. Но я не могу солгать, призвав Бога в свидетели. Я не могу этого сделать.

Она кивнула.

– Понимаю, – проговорила она тихо и отошла от Луки, который ее отпустил.

– Ему ничего не надо говорить, – подала голос Ишрак. – Я стану свидетелем.

Мужчина пожал плечами.

– Твое слово ничего не значит. Ты неверная, рабыня и женщина. Твои слова подобны утреннему щебетанью птицы. Слишком громкие и совершенно бессмысленные. А теперь, – сказал он Луке, – отправляй обеих женщин через борт, или я прикажу моим людям подняться на палубу и забрать их силой.

Лука посмотрел на галеру: внизу сидела примерно дюжина человек в полном вооружении. Он покосился на Фрейзе, стоически поигрывающего дубинкой. Конечно, они могут дать бой, однако обстоятельства складываются явно не в их пользу. Они наверняка проиграют.

Командир обратился к паромщику, который мрачно все слушал, оставаясь на корме.

– Ты транспортируешь краденые вещи: эти две женщины принадлежат лорду Лукретили. Если понадобится, я возьму твое судно на абордаж, чтобы их забрать – и твой корабль может получить повреждения, да и тебе будет угрожать опасность. Или же ты можешь передать их мне – и никаких неприятностей не будет.

– Я взял их по честномуговору, как пассажирок, – крикнул в ответ паромщик. – Если они твои, то могут отправляться с тобой. Я за них не отвечаю.

– Спротивляться нет смысла, – очень тихо сказала Луке Изольда. – Это безнадежно. Не надо ничего предпринимать. Я сдаюсь.

Не дав ему времени возразить, она крикнула мужчине на галере:

– Ты даешь мне слово, что довезешь нас к моему брату в целости и сохранности?

Он кивнул:

– Мне приказано ничем вам не вредить.

Она решила.

– Забери наши вещи, – бросила она через плечо Ишрак.

Та быстро спустилась в каюту и вернулась с двумя переметными сумами, успев спрятать данный Фрейзе нож – заткнула его за веревку, закрепленную на поясе.

– И что со мной будет? – спросила Изольда.

Жестом приказав Ишрак следовать за собой, она перешла на нос парома. Командир махнул Луке и Фрейзе, показывая, чтобы они подтянули его судно ближе: так девушки смогли бы перелезть через борт на ожидающую их галеру.

– Твой брат считает, что ты пытаешься обратиться к графу Валашскому за помощью. Он решил, что ты попытаешься собрать армию, чтобы выступить против него и отвоевать дом. Поэтому он собрался выдать тебя замуж за французского графа, который тебя увезет и запрет у себя в замке.

– А что насчет меня? – спросила Ишрак.

Тем временем Лука, Фрейзе и Пьетро взяли за абордажные крючья и, натягивая канаты, подвели галеру к носу парома.

– А тебя я должен продать в рабство туркам, в Венеции, – ответил тот. – Извини. Такой приказ мне дали.

Лука, чьи родители – и мать, и отец – были захвачены оттоманскими работоторговцами, когда он был еще мальчишкой, побледнел и впился в поручень.

– Мы не можем этого допустить, – сказал он Фрейзе. – Я не могу это позволить. Нельзя этого допустить.

Однако Фрейзе в этот момент наблюдал за Изольдой, которая резко остановилась, услышав, что Ишрак с ней не будет.

– Нет. Она едет со мной, – заявила она. – Мы никогда не разлучаемся.

Мужчина покачал головой.

– Мой приказ ясен. Ее надо продать туркам.

– Готовься, – прошептал Луке Фрейзе. – По-моему, она с этим не смирится.

Изольда дошла до носа парома. У ее ног оказался топор, приготовленный для тех экстренных случаев, когда в шторм сорвет парус или придется обрубать рыбацкие сети. Не глядя на него, она поднялась на туго свернутую бухту якорного каната, чтобы через фальшборт смотреть на явившегося за ней мужчину.

– Сударь, у меня есть деньги, – взмолилась она. – Я заплачу вам столько же, сколько платит мой брат, чтобы вы сказали, что не смогли нас найти. И ваши люди тоже получат деньги, если вы просто уйдете.

Он развел руками.

– Миледи, я верный слуга твоего брата. Я пообещал доставить тебя к нему, а ее продать в рабство. Спускайтесь или я поднимусь за вами обеими, а ваши друзья пострадают.

Она прикусила губу.

– Ну, пожалуйста! Заберите меня и оставьте мою подругу. Скажете господину, моему брату, что не смогли ее найти.

Он только покачал головой и резко бросил:

– Идите. Обе. Немедленно.

– Я не хочу никакого боя, – отчаянно проговорила она. – Не хочу, чтобы кто-то из-за меня пострадал.

– Тогда иди сейчас же, – отрезал он. – Потому что я заберу тебя, так или иначе. Мне приказано доставить тебя живой или мертвой.

Фрейзе увидел, как ее плечи решительно расправились, но она произнесла лишь:

– Хорошо. Сначала брошу мои вещи.

Командир кивнул и, взявшись за абордажный канат, притянул свою галеру ближе к покачивающемуся борту их судна. Изольда перегнулась через борт, держа тяжелую переметную суму.

– Ближе! – попросила она. – Не хочу остаться без вещей.

Он посмеялся над жадной натурой всех женщин: до чего же Изольда глупа, если продолжает заботиться о своих нарядах, когда ее похищают! – и подтянул галеру еще ближе. Как только она оказалась прямо под носом парома, Изольда уронила переметную суму прямо на него. Он поймал ее обеими руками и чуть отшагнул назад под ее весом – и в этот момент Изольда схватила топор и тремя или четырьмя быстрыми отчаянными ударами перерубила канат, который удерживал массивный якорь парома у борта.

Тяжелый кованый якорь рухнул вниз – чудовищно тяжелый – и, проломив тонкий настил палубы, вспорол дно галеры, проделав громадную дыру и сломав борта, так что вода хлынула одновременно через дно и через борта.

В следующее мгновение Ишрак подскочила к ней и метнула нож в лицо командира. Клинок попал ему в рот, и он завопил, захлебываясь кровью. Лука, Фрейзе и брат Пьетро схвати-

лись за абордажные крючья и сбросили их на головы гребцам. Вода залила галеру – и волны сомкнулись над ней.

– Поднимайте парус! – заорал Лука, но паромщик и его помощник уже и так тянули за веревки.

Парус выгнулся, захлопал, а потом наполнился ветром – и паром начал отдаляться от тонущей галеры. Часть гребцов уже оказалась в воде и, поднимая брызги, звала на помощь.

– Возвращайтесь! – крикнула Изольда. – Нельзя оставить их тонуть!

– Можно! – яростно возразила Ишрак. – Они бы нас убили.

У носа парома лежали какие-то тонкие доски. Изольда бросилась к ним и начала поднимать. Фрейзе подошел ей помочь: поднял на фальшборт и сбросил на воду, чтобы они послужили спасательными плотами.

– Их кто-нибудь подберет, – успокоил он ее. – Вдоль этого берега постоянно снуют корабли, и скоро уже будет светло.

Ее глаза были полны слез, от расстройства она ужасно побледнела.

– Тот человек! Нож в лице...

– Он продал бы меня в рабство! – зло крикнула ей Ишрак. – Он хотел увезти тебя обратно к брату! А чего ты хотела?

– Ты могла его убить!

– И пусть! И пусть! И ты дура, если о нем тревожишься.

Вся дрожа, Изольда повернулась к брату Пьетро.

– Ведь грешно убивать человека, при любых обстоятельствах?

– Да, – признал он. – Но Ишрак защищала себя...

– И пусть! – еще раз повторила Ишрак. – По-моему, о нем вообще глупо думать. Он собирался продать меня в рабство. Он убил бы нас обоих. Конечно, я стала защищаться. Но если я хотела бы его убить, то вогнала бы нож ему в глаз, и тогда он уже точно был бы мертв, а не просто остался без зубов.

Изольда оглянулась. Некоторые люди с галеры уже забрались на обломки своего судна. Их командир с красным от крови лицом цеплялся за сброшенные ею с Фрейзе доски.

– Главное, ты спасла себя и Ишрак, – сказал ей Лука. – А им надо будет отчитаться перед твоим братом, так что какое-то время ты будешь в безопасности. Ишрак держалась чудесно, и ты тоже. Не жалею о том, что проявила отвагу, Изольда. Ты спасла всех нас.

Она неуверенно засмеялась.

– Даже не знаю, как я это придумала!

Ишрак крепко ее обняла.

– Это было просто блестяще! – с жаром проговорила она. – Я понятия не имела, что ты делаешь. Ты все сделала идеально.

– Меня просто озаарило. Когда они сказали, что заберут тебя.

– Ты бы отправилась с ними, чтобы избежать боя?

Изольда кивнула.

– Но я не могла допустить, чтобы забрали тебя. Только не в рабство!

– Ты поступила правильно, – подытожил Лука.

Он посмотрел на брата Пьетро, и тот кивнул, соглашаясь с его словами.

– Правое дело, – глубокомысленно сказал он.

– А как ты метнула нож! – Лука повернулся к Ишрак. – Где ты вообще научилась таким броскам?

– Моя мать хотела, чтобы я умела за себя постоять. – Ишрак улыбнулась. – Она научила меня метать ножи. А отец Изольды, лорд Лукретили, отправил меня к испанским мастерам обучаться боевым искусствам. Я училась этому тогда же, когда училась стрелять из лука... и многому другому.

– Нам следует вознести благодарность за спасение, – объявил брат Пьетро, воздевая распятие, которое носил на веревке у пояса. – Вы обе держались очень хорошо. Вы были отважны и очень быстры. – Он посмотрел на Изольду. – Мне очень жаль, что я не мог солгать ради тебя.

Она кивнула:

– Понимаю, конечно.

– А тебе придется исповедаться, брат Лука, – мягко сказал брат Пьетро своему юному спутнику. – Как только мы окажемся в Венеции. Ты отрекся от обета, принесенного Церкви, неоднократно лгал и... – тут он ненадолго замолчал, – ...ты ее целовал.

– Только для того, чтобы ложь казалась убедительной, – вступилась за Луку Изольда.

– Он был потрясающе убедителен! – восхищенно вставил Фрейзе, подмигнув Ишрак. – Можно было даже подумать, будто ему хочется ее поцеловать. Я почти поверил, что ему понравилось ее целовать. Показалось, что она на его поцелуй отвечает. Вы провели меня.

– Итак, я вознесу благодарность за то, что мы в безопасности, – сказал брат Пьетро и, чуть отойдя от них, встал на колени и начал молиться. Фрейзе отошел на корму, чтобы поговорить со стоящим на руле паромщиком. Ишрак отвернулась.

– Это было не просто для того, чтобы ложь казалась убедительной, – тихо признался Изольде Лука. – Я чувствовал...

Он замолчал. У него не было слов, чтобы описать, что он чувствовал, когда она прижалась к нему, а его губы встретились с ее губами.

Она ничего не сказала – просто смотрела на него. Он же заворожено смотрел на ленту, которой был завязан ее плащ на шее. Он видел, как эта лента чуть колыхнется на пульсирующей жилке.

– Это не должно снова повториться, – сказал Лука. – Я завершу послушание и принесу монашеские обеты, а ты станешь дамой – богатой и знатной. Если у тебя получится собрать армию и отвоевать замок и свои земли, то ты выйдешь замуж за влиятельного человека, может, даже за принца.

Она кивнула, не отрывая взгляда от его лица.

– Тогда на мгновение мне захотелось, чтобы это была правда, и мы были женаты, – признался Лука со смущенным смешком. – Взял в жены и уложил в постель, как сказал тот человек. Но я понимаю, что это невозможно.

– Невозможно, – согласилась она. – Совершенно невозможно.

Через несколько часов небо постепенно посветлело, и пятеро путешественников, поднявшись со своих мест на корме парома, перешли на нос, смотреть на восток, где восходящее солнце своими рассветными лучами окрашивало легкие облачка в розовый и золотой цвета. С кормы паромщик крикнул им, что они входят в Венецианскую лагуну – благодарение Богу за то, что они наконец-то в безопасности после такой ночи! – и они сразу же почувствовали, как паром стало меньше качать: волны улеглись. Внутренние воды, защищенные кольцом островов, были спокойными, словно покрытое легкой рябью озеро. Местами тут было настолько мелко, что можно было разглядеть рыбацкие сети, закрепленные прямо под поверхностью воды, однако вокруг островов вились глубокие протоки, порой отмеченные только одним грубым столбом, вбитым в дно лагуны.

Ишрак с Изольдой стояли, крепко сцепив руки, пока кораблик пробирался между десятками, сотнями островков. Некоторые из них были настолько малы, что на них умещался только один дом с садом, а у причалов качались на волнах ялики или яхточки. Некоторые из островов

поменьше были покрыты лесом и илистой литоралью, где бродили только болотные птицы, а некоторые – походили на хутора с одним фермерским домом и хозяйственными постройками, крытыми тростником, тогда как все остальное пространство острова занимали поля. На крупных островах былолюдно: у каменных причалов разгружались и загружались суда, из труб невысоких строений валил темный дым, а в сараях можно было разглядеть красное свечение топок.

– Стекольные мастерские, – объяснил паромщик. – В городе варить стекло не разрешают из-за опасности пожаров. Жутко боятся пожаров эти венецианцы. Бежать-то некуда.

По мере приближения к городу острова оказывались более застроенными, окруженными каменными набережными, оснащенными кое-где каменными ступенями, ведущими к воде. На более крупных островах даже были мощеные улицы, а между мелкими островами были перекинуты мостики, соединявшие их друг с другом. Каждый дом был окружен парком, иногда – фруктовым садом. Все большие дома стояли за высокими каменными стенами, так что путешественники видели лишь вершины по-зимнему голых деревьев и слышали пение птиц.

– А вот и Гранд-Канал, – объявил паромщик, когда судно медленно пошло вверх по широкой извилистой протоке. – Он как главная улица, как самая широкая улица большого города. Самая большая центральная улица в мире.

Крупные здания были спроектированы так, что выходили прямо на канал: у одних широкие парадные двери открывались прямо на воду, у других – перед домом были устроены ворота, чтобы лодка могла зайти прямо в дом, словно река была здесь дорогим гостем.

На глазах у Изольды одна из таких дверей, ведущих к воде, открылась, выпуская гондолу, гладкую, словно черная рыба. Яркий одетый гондольер стоял на корме и греб одним веслом, а какой-то аристократ сидел в центре лодки. На плечах у него был черный плащ, на голове – расшитая шляпа, а лицо скрывалось за великолепно украшенной маской, открывавшей только улыбающийся рот.

– Ой, смотрите! – воскликнула она. – До чего же красивая лодка! Вы видели, как она вышла прямо из дома?

– Она называется «гондола», – объяснил ей паромщик. – У венецианцев они вместо портшезов или повозок, чтобы можно было куда-то попасть.

Изольда не могла оторвать глаз от чудесного кораблика, и аристократ кивнул ей и помахал рукой, когда проплыл мимо.

– Карнавал, – негромко сказал брат Пьетро, заметив великолепно расшитый жилет под темным плащом и яркую маску, закрывавшую лицо. – Худшего времени для появления в этом городе не придумаешь.

– А что плохого в карнавале? – полюбопытствовала Ишрак, разглядывая черную гондолу и красивого мужчину в маске.

– Это двадцать дней чревоугодия и распутства перед Великим постом, – ответил брат Пьетро. – Карнавал, как они это время называют, это синоним самого мерзкого поведения. Если бы мы расследовали греховность, то достаточно было бы указать на каждого прохожего. Этот город славится множеством пороков. Нам надо как можно больше времени проводить в доме и избегать бесконечных выпивок, прогулок и танцев. И чего-нибудь похуже.

– Но до чего роскошный дом! – продолжала восхищаться Изольда. – Настоящий дворец! Вы успели заглянуть внутрь? Каменные ступени, ведущие к личному причалу! И факелы в здании!

– Смотрите! – Ишрак указала куда-то вперед.

Там прямо у воды были построены еще дома: большинство стояло на полностью окруженных водой островках, соединенных между собой узкими выгнутыми деревянными мостами. Слева путешественники увидели шпили церковных колоколен, расположенных за домами у воды, и у каждого второго-третьего дома узкий извилистый канал уходил в центр города. От

главного канала ответвлялись каналы поменьше – и все они были заполнены гондолами и рабочими лодками, на каждом причале толпился народ – и большинство людей были в фантастических костюмах. Женщины, пошатываясь, шли в туфлях на невероятно высоких каблуках, а некоторым приходилось даже опираться на идущую рядом служанку.

– Что у них на ногах? Это же почти ходули! – воскликнула Ишрак.

– Их называют чопины, – пояснил брат Пьетро. – Благодаря им дамы не намочат платья и ноги, когда улицы затапливает водой. – Он внимательно посмотрел на женщин, которые неспособны были стоять без посторонней помощи, но выглядели великолепно: невероятно высокие, в красивых пышных платьях. – Святой престол их одобряет, – добавил он.

– Кажется, вы бы назвали их проявлением нелепого тщеславия? – с любопытством уточнила Ишрак.

– Поскольку они не позволяют танцевать и женщины, надевая их, не могут ходить самостоятельно, они прекрасно предотвращают грех, – ответил брат Пьетро. – Это – большое преимущество.

– Все именно так, как говорили: город построен на воде! – изумленно произнесла Изольда. – Дома расположены близко друг к другу, словно корабли, тесно пришвартованные в порту.

– Никогда ничего подобного не видел! А как же здесь могут перемещаться кони? – поинтересовался Фрейзе.

– Паромщик отвезет их дальше, за город, после того как высадит нас, – сообщил ему брат Пьетро. – Когда они нам понадобятся, мы возьмем лодку, чтобы до них добраться. В Венеции нет коней: все перемещаются по воде.

– А товары на рынки? – уточнил Фрейзе.

– Привозят на лодках и выгружают у набережной.

– А постоянные дворы?

– Принимают путников, которые прибывают и уплывают на лодках. При них нет конюшен.

– А священники, которым надо в храмы?

– Приплывают и уплывают на лодках. У каждого храма есть свой собственный каменный причал.

– Ага! А как доставляют камень для строительства? – спросил Фрейзе таким тоном, словно наконец-то поймал брата Пьетро на небывлице.

– Камень привозят специальные огромные баржи, – ответил брат Пьетро. – Все перевозится по воде, как я уже сказал. Есть даже большие баржи, которые привозят питьевую воду.

Тут Фрейзе уже не выдержал.

– Теперь я уверен, что ты меня обманываешь, – заявил он. – Уж чего в этом городе хватает, так это воды! Они небось и рождаются с перепонками между пальцев, эти венецианцы.

– Это – странные и ни на кого не похожие люди, – признал брат Пьетро. – Они управляют собой сами, без короля, у них нет проселков и дорог, их город – богатейший город во всем христианском мире, они живут на море и за счет моря. Они постоянно расширяются, и их единственный бог – это торговля, однако они воздвигли на каждом канале красивейшие церкви и украсили их в высшей степени вдохновляющими святыми изображениями. Каждый храм – это сокровищница духовного искусства. И при этом люди здесь ведут себя так, словно Бог так же далек от них, как они сами – от материка, и к Нему можно попасть, только проделав долгий путь.

Они уже приближались к центру города. Оба берега широкого канала были одеты в белый истрийский камень, что превращало их в непрерывный пирс, который местами пронзали каналы-притоки, уходящие в глубь города. Многие мелкие внутренние каналы были пересечены деревянными мостиками, а над некоторыми из каналов были возведены крутые ступен-

чатые мосты из белого камня. Парус их корабля терял прохладный бриз, так что паромщик спустил его и перешел на греблю: он сел на весло по одному борту, а его помощник наваливался на весло с другого борта. Их путь пролегал через непрерывное движение гондол, которые быстро скользили по реке под громкие крики гондольеров, стоящих на корме: «Гондола! Гондола! Гондола!»

Канал был заполнен рыбацкими баркасами, плоскодонными баржами для перевозки тяжелых товаров, паромами, забитыми бедным людом, – и между ними от одного берега к другому сновали наемные гондолы. Двум девушкам, выросшим в небольшом сельском замке, все это казалось праздничным и невероятно суетливым: они вертели головами, не веря собственным глазам. На всех гондолах, кутаясь в плащи и скрывая свои лица под карнавальными масками, сидели пассажиры. Женские маски были украшены разноцветными плюмажами, а прорези для глаз были сделаны в форме кошачьих глаз. Женщины накрывали головы яркими капорами, улыбающиеся губы прятали за веерами, украшенными драгоценными камнями. Более интригующе выглядели те гондолы, где в центре изящного кораблика находилась небольшая каюта, двери которой были плотно закрыты, скрывая находящихся там любовников, а на корме медленно и невозмутимо работали веслом гондольеры. Порой за первой гондолой следовала вторая, на которой сидели музыканты, исполнявшие длинные любовные баллады для услаждения таинственной парочки.

– Грех повсюду, – проворчал брат Пьетро, отводя взгляд.

– Через Гранд-Канал есть только один мост, – сказал им паромщик. – А чтобы его пересечь в каком-либо другом месте, надо нанимать лодку. Здесь работать перевозчиком выгодно. Вот он, этот единственный мост: Риальто.

Это был высокий деревянный мост, возвышавшийся над каналом, – он был так выгнут, что под ним легко могли проходить даже мачтовые суда. Он уходил с обоих берегов канала вверх, почти как остроконечная башня, на нем располагались лавочки и лотки, и он был заполнен народом. Вверх по лестнице с одного берега и вниз по лестнице до другого двигался непрекращающийся поток пешеходов. Люди то и дело замедляли шаг, чтобы посмотреть на товары, останавливались что-то купить, перегибались через высокий парапет, чтобы посмотреть на проходящие внизу суда, торговались, меняли монеты... На мосту царила мешанина цветов и звуков.

Площадь Сан-Джакомо сразу за мостом была застроена высокими домами купцов. Все народы христианского мира и немалое количество иноверцев можно было определить либо по вывешенным флагам, либо по национальным костюмам мужчин, ведущих дела у окон и дверей. Рядом с ними стояли и величественные дома венецианских банкиров: двери их были распахнуты перед посетителями, люди в нелепых нарядах приходили и уходили, продавали и покупали со всей серьезностью, хотя были разодеты, словно странствующие актеры, щеголяя в громадных шляпах, увенчанных плюмажами, и ярких масках, усеянных драгоценными камнями.

Непосредственно на площади банкиры и менялы выставили свои столы вдоль всей колоннады, по одному в каждой арке, и торговали монетами, закладными и драгоценными металлами. Когда из рук в руки переходили деньги, маски откладывались в сторону: каждый клиент предпочитал смотреть банкиру в лицо. Были там и оттоманские торговцы: их яркие тюрбаны и роскошные одеяния были не менее красивы, чем костюмы местных жителей. Венеция так активно торговала с Оттоманской империей, что многие богатства Востока попадали в Европу именно через столы венецианских купцов.

Другого пути на Восток не было: до России по морю добираться было сложно. Венеция оказалась в самом центре мировой торговли, поэтому богатства с востока и запада, севера и юга лились сюда рекой.

– Риальто, – напомнил Фрейзе Лука, – это место, где, по словам того неверного, Радубея, можно найти священника, отца Пьетро, который выкупает рабов-христиан с оттоманских галер. Вот он, этот мост, то место, про которое он говорил. Возможно, отец Пьетро сейчас там, возможно, я смогу выкупить отца и мать.

– Мы пойдем туда, как только устроимся дома, – пообещал ему Фрейзе. – Но, Воробушек, ты не забывай, что этот оттоманский господин, Радубей, – заклятый враг того господина, который стоит во главе твоего Ордена, – и что он не внушал мне доверия.

Лука рассмеялся.

– Помню. И ты правильно сделал, что меня предостерег. Но знаешь, Фрейзе, я бы принял совет от самого дьявола, если бы думал, что это поможет мне вернуть родителей домой. Просто снова их увидеть! Просто знать, что они живы!

Фрейзе положил руку на плечо друга.

– Понимаю, – сказал он. – И они наверняка тоже по тебе скучали: они не видели, как ты растешь. Если мы сумеем найти их и выкупить из рабства, это будет отлично. Я просто говорю, что не стоит очень надеяться. Их захватили оттоманские рабовладельцы, а про возможность их выкупа нам сказал оттоманский генерал. И пусть он начитан, и пусть он вежливо с тобой разговаривал – все это не делает его твоим другом.

– Ишрак он тоже понравился, а она хорошо разбирается в людях, – возразил Лука.

Открытое лицо Фрейзе на секунду омрачилось.

– Ишрак он понравился больше, чем магистр твоего Ордена, – напомнил он Луке. – Я не стал бы полагаться на ее суждение в отношении этого знатного иностранца. Не знаю, какую игру он начал, говоря с ней по-арабски – на языке, который понимает она одна. И если на то пошло, то я не знаю, что за игру она повела, уверяя меня, что он ничего не сказал.

– А вот и ваше палаццо, – заметил паромщик. – Ка де Лонги, на запад от пьяцца Сан-Марко, очень хорошее.

– Дворец? – воскликнула Изольда. – Мы сняли дворец?

– Все большие дома на канале называются «каса», и только дом дожа называют дворцом, – пояснил паромщик. – А причина в том, что они все до единого – прекраснейшие дворцы, равных которым на свете нет.

– И там живут принцы? – спросила Ишрак. – Во всех этих дворцах?

– Лучше принцев, – улыбнулся он ей. – Богаче принцев, величественнее королей. Там живут венецианские купцы – и большей власти нет ни у кого ни в этом городе, ни во всей Италии!

Он направил паром к небольшому причалу у стены дома, навалился на весло – и с легким толчком аккуратно причалил. Там он окинул взглядом прекрасные фрески по обеим сторонам от широких водных дверей – и посмотрел на Луку с новым уважением.

– Добро пожаловать, ваша светлость, – проговорил он, резко изменив свое отношение к красивому молодому купцу, который, конечно же, должен быть по-королевски богатым, чтобы снять подобный дворец.

Фрейзе заметил оценивающий взгляд паромщика и мягко ткнул его в бок.

– Мы заплатим вдвое за беспокойство и опасность, – отрывисто бросил он. – А вы будьте любезны никому не рассказывать историю про ту галеру.

– Конечно, сударь, – пообещал паромщик, принимая увесистый кошель с монетами.

Ловко перепрыгнув с борта на широкие ступени, он пришвартовал паром и подал руку, чтобы помочь сойти на берег дамам.

Обменявшись понимающими взглядами, Ишрак и Изольда, Лука и брат Пьетро, помня о выбранных ролях, сошли на каменную набережную перед своим домом. Дверь для пешеходов находилась в боковой стене дома и выходила на неширокий боковой канал. Она уже была открыта – и домоправительница, поклонившись, повела их в прохладный вестибюль.

Первым делом, как всегда, брат Пьетро, Лука и Изольда должны были отправиться в церковь и вознести благодарение за успешное прибытие. Ишрак как иноверка и Фрейзе как слуга были избавлены от этой необходимости.

– Отправляйся на Риальто, – приказал Фрейзе Лука. – Узнай, слышали ли там об отце Пьетро. Я приду попозже, чтобы с ним поговорить.

Лука, брат Пьетро и Изольда, скромно надвинувшая капюшон плаща на лицо, вышли из дома через небольшую дверь и попали на мощеную дорожку, тянущуюся вдоль узкого канала. Свернув направо, они по узкому переулку прошли на площадь Сан-Марко, где гулко звонили колокола большого храма, возвещая начало утренней службы. Вспугнутые голуби взмыли к холодному голубому небу, а венецианцы в роскошных нарядах демонстрировали себя и разгуливали по площади до самого храма.

Ишрак и Фрейзе, закрыв дверь за своими спутниками, ненадолго задержались в огромном вестибюле.

– Позвольте показать вам ваши комнаты, – предложила им домоправительница и прошла перед ними по широкой мраморной лестнице, ведущей на второй этаж.

Там оказалась большая приемная, выходившая на канал громадными окнами в два человеческих роста. За каждым окном был небольшой балкончик. В парадной комнате было тепло: в камине горел огонь, а в окна лился солнечный свет. Домоправительница провела их дальше: на верхнем этаже комнаты располагались так же.

– Мы устроимся на верхнем этаже, – решила Ишрак. – А вы можете занимать второй.

– А над вами – кухня и комнаты прислуги, – сказала домоправительница, указывая на узкую лестницу, уходящую еще выше.

– Кухня в мансарде? – удивился Фрейзе.

– Чтобы уберечь дом в случае пожара, – ответила она. – Мы, венецианцы, очень боимся пожаров, а места, чтобы устроить кухню в удалении от дома на уровне первого этажа, нет. Все пространство на уровне земли отведено под двор и сад, а перед домом – причал и ворота, выходящие на канал.

– А вы – кухарка? – спросил Фрейзе, подумав, что хорошо было бы плотно пообедать, как только остальные вернутся из церкви.

Она кивнула.

– Мы пойдем по кое-каким поручениям и, наверное, вернемся к плотному обеду? – намекнул ей Фрейзе. – Мы провели долгую ночь в холоде, а ели только хлеб и яйца. Я, например, был бы очень рад попробовать венецианские блюда вашего приготовления.

Она улыбнулась:

– Я все приготовлю. Вы возьмете гондолу?

Ишрак с Фрейзе обменялись довольными взглядами.

– А можно? – уточнила Ишрак.

– Конечно, – ответила та. – В нашем городе это единственный способ куда-либо добраться.

Она провела их по мраморной лестнице вниз на первый этаж, к обращенному на канал фасаду – и их собственному причалу, где покачивалась пришвартованная гондола. Домоправительница предоставила им спуститься по последнему лестничному маршу и указала на слугу, который вышел из дверей, утирая рот и натягивая яркую шляпу с пером.

– Джузеппе, – представила она его. – Он отвезет вас, куда пожелаете, подождет там и доставит обратно домой.

Слуга подтянул гондолу ближе к причалу и подал Ишрак руку, чтобы помочь ей зайти на борт. Фрейзе тяжело шагнул следом – и Ишрак вскрикнула, а потом засмеялась над тем, как гондола раскачивается.

– Придется привыкать, – проворчал Фрейзе. – Я уже скучаю по Руфино. Как он там без меня будет? – Обращаясь к гондольеру Джузеппе, он спросил: – Ты можешь отвезти нас к Риальто?

– Конечно, – сказал лодочник.

Он отвязал швартов с нарядной кистью, который удерживал нос гондолы у стены дома. Встав на площадку на корме, он одним ловким толчком весла отчалил от дома, вводя гондолу в оживленное движение по Гранд-Каналу.

Пока их гондола пробиралась по переполненному судами каналу, Фрейзе с Ишрак сидели в центре и смотрели по сторонам. Разносчики и торговцы на небольших лодках подплывали к каждому судну, предлагая свои товары; ялики и наемные весельные лодки сновали между судами; огромные баржи с балками и строительным камнем занимали центр канала: гребцы на них налегали на весла под задающий ритм барабан. Фрейзе и Ишрак – светловолосый простоватый юноша и смуглая темноволосая девушка – на дорогой частной гондоле привлекали внимание окружающих. У моста Риальто гондольер умело причалил, спрыгнул на берег и подал руку Ишрак.

Она надвинула шапочку на лоб, опустила на лицо вуаль и вышла на берег. Ишрак обратила внимание на то, что здесь были служанки, работницы, попрошайки, хозяйки лавок, а также женщины в ярких желтых нарядах с сильно накрашенными лицами, ковыляющие в обуви на нелепо высоких каблуках. Однако на широкой каменной площади перед мостом не было видно женщин благородного сословия и аристократок, а во всех окнах торговых домов маячили суровые мужчины в темных костюмах, которые, похоже, не одобряли присутствия девушки на площади среди деловых людей.

– Как ты думаешь, где может быть этот отец Пьетро? – спросил Фрейзе, озираясь.

На площади было настольколюдно, настолько шумно и суетливо, что Ишрак могла только изумленно покачать головой. Кто-то заклинал змею перед горсткой зрителей: он играл на дудочке, а корзина раскачивалась из стороны в сторону, и соломенная крышка уже начала приподниматься: пока виден был только темный глаз и беспокойный раздвоенный язык. Несколько купцов выставили стол в тени широкой колоннады и меняли монеты одних стран на монеты других: при производимых расчетах бусины на их абаксах стучали, словно кастаньеты. У берега запоздалый рыбак выкладывал свой улов и продавал свежую рыбу паре слуг. Громадный рыбный рынок открывался на рассвете, и спустя несколько часов там уже все было распродано. Постоянно мельтешили люди, приходящие к большим торговым домам, окружавшим площадь со всех сторон, и уходящие из них. Мальчишки-посыльные с корзинами на головах или под мышкой спешили по поручениям, покупатели толпились у небольших лавочек по обеим сторонам моста Риальто, торговцы расхваливали свои товары с раскачивающихся у причалов лодок... Здесь были люди всех национальностей – покупали, продавали, спорили, наживались – начиная с немецких банкиров в темных костюмах и кончая облаченными в яркие одеяния купцами из Османской империи или даже более удаленных стран.

– Надо будет у кого-нибудь спросить, – ответила Ишрак, совершенно ошеломленная этим оживленным центром торговли. – Он может находиться в паре шагов от нас, но мы об этом даже не узнаем. Я никогда еще не бывала в такой толпе, никогда не видела столько народу одновременно. Даже в Испании!

– Как в аду, – отозвался Фрейзе совершенно хладнокровно. – Там наверняка многолюдно.

Ишрак рассмеялась и отвернулась от реки, выискивая кого-нибудь – священника или монаха – к кому можно было бы обратиться с вопросом, но тут увидела интересное зрелище. Какая-то девушка устроила азартную игру на каменной плите мостовой, посыпав один беломраморный квадрат песком, чтобы обозначить площадку, где будет проходить игра. Толпа уже окружила ее тройным кольцом. Это была старинная игра со стаканами и шариком: Ишрак видела, как в нее играют в Испании. Говорили, будто эта игра пришла из Древнего Египта. Когда Ишрак была совсем маленькой, то видела ее даже в Лукретили: тогда трубадур забрал у нее все карманные деньги с помощью этого простого трюка.

Здесь было три перевернутых стаканчика, и под одним из них был спрятан шарик. Ведущая игру девушка передвигала стаканы с головокружительной скоростью, а потом отодвигалась и предлагала зрителям выложить монетки перед тем стаканом, где они в последний раз видели шарик.

Игра была простейшая: все знали, где находится шарик, ведь все наблюдали за тем, как передвигают стаканчики. А потом ведущая поднимала стаканчики – и ну надо же! – шарика не было под тем стаканчиком, который выбрали зрители. Ведущая поднимала другой стаканчик – и шарик оказывался под ним. Ведущая собирала поставленные зрителями монетки, демонстрировала пустые стаканчики, демонстрировала шарик (у нее был невероятно красивый прозрачный шарик из стекла), снова помещала шарик под стакан, просила зрителей смотреть внимательно и начинала передвигать стаканчики: для начала два-три раза очень медленно, а потом совершала еще с десяток очень быстрых движений.

Внимание Ишрак привлекла сама ведущая. Ею была девушка лет восемнадцати, одетая в коричневое платье и скромную шапочку. Она склоняла бледное сосредоточенное лицо, чтобы следить за работой, но когда она его поднимала, то видны были темные глаза и радостная улыбка. Она двигала стаканчики, сидя на пятках, и обводила зрителей взглядом, внушавшим абсолютное доверие.

– Милорды, миледи, господа, – мягко проговорила она, – будете делать ставки?

Глядя на нее, никто не допустил бы даже на мгновение мысли о том, что она использует какой-то ловкий трюк. Не у всех же на глазах, не в разгар дня! Шарик должен находиться там, куда она его положила – под правым стаканчиком, который она сдвинула налево, переместила в центр, снова вернула направо... А потом двигались только другие стаканчики, явно чтобы запутать наблюдающих, прежде чем она сдвинула его обратно в центр.

– Он в центре, – шепнул Фрейзе Ишрак.

– Готова спорить, что нет, – возразила Ишрак. – Я за ним следила, но потеряла.

– Я все время за ним наблюдал! Он точно в центре!

Фрейзе повожился с монетами и поставил пикколи – серебряный грошик.

Девушка дождалась, пока все сделают ставки (большинство, как и Фрейзе, выбрали центральный стаканчик), после чего перевернула этот стаканчик и продемонстрировала всем: пусто. Она сгребла все монетки, которые игроки выложили перед пустым стаканчиком, спрятала их в карман передника, потом продемонстрировала пустой левый стаканчик, и наконец – стеклянный шарик под правым. Не угадал никто. С веселой улыбкой, предлагавшей всем снова попытать счастья, она пригладила песок ладонью, положила шарик под левый стаканчик и снова начала передвигать стаканчики.

На этот раз Ишрак не стала следить за стаканчиками, а сосредоточилась на немолодом мужчине, который передвигался в толпе, держась близко к игрокам. Он и сам походил на азартного человека: блестящие алчные глаза, низко надвинутая на лоб шляпа, любезная улыбка. Однако он наблюдал за толпой, а не за стремительнодвигающимися руками девушки.

– А вот и главный катала, – сказала Ишрак Фрейзе.

– Главный – кто?

– Катала, ее сообщник. Он может отвлечь зрителей именно в тот момент, когда она делает подмену, чтобы никто не заметил, куда сдвинулся стаканчик. Но, по-моему, она и так хороша. Ей не нужно, чтобы кто-то отвлекал игроков, так что ему достаточно просто следить за толпой и быть готовым действовать в случае неприятностей. И, конечно, он заберет деньги, когда она закончит, а затем проводит ее домой.

Фрейзе на Ишрак даже не посмотрел: настолько он был поглощен игрой.

– На этот раз я точно знаю, где шарик!

Ишрак засмеялась и стукнула его по склоненной голове.

– Останешься без денег, – предсказала она. – Эта девушка очень хороша. У нее очень ловкие руки и великолепное самообладание. Она спокойнее всего тогда, когда руки работают предельно быстро. И улыбается она, как честный ребенок.

Фрейзе оттолкнул руку Ишрак: он был уверен в собственной наблюдательности. Он положил вторую монетку у левого стаканчика – и был вознагражден мимолетной улыбкой девушки в коричневом платье. Она подняла стаканчики. Шарик оказался под правым.

– Чтоб меня!.. – воскликнул Фрейзе.

Темные глаза Ишрак улыбались ему из-под вуали.

– Сколько при тебе денег? – поинтересовалась она. – Потому что они с радостью просидят хоть весь день, если ты будешь так глуп, чтобы делать ставки.

– Но я же видел, точно! – возмутился Фрейзе. – Я был совершенно уверен! Это просто колдовство какое-то!

Девушка в коричневом платье подняла на него взгляд – и подмигнула ему.

– Это хитрая игра, а ты – хитро ее ведешь, – сказал ей Фрейзе. – Ты хоть когда-нибудь проигрываешь?

– Конечно, – ответила она с легким парижским акцентом. – Но, как правило, я выигрываю. Это простая игра только для того, чтобы развлечься и заработать несколько монеток.

– Побольше, чем несколько монеток, – пробормотала Ишрак себе под нос, глядя на кучку грошиков, которую нагребла девушка.

– Попытаешь счастья еще раз? – предложила девушка Фрейзе.

– Непременно! – заявил Фрейзе. – Но ставить мою счастливую монетку мне нельзя.

Он очень осторожно извлек монетку из нагрудного кармана куртки, поцеловал ее и вернул обратно. Девушка посмеялась над этим, и ее карие глаза заискрились.

Улыбаясь, она продемонстрировала ему три пустых стаканчика. Фрейзе присел на корточки, чтобы оказаться прямо напротив нее, и кивнул, наблюдая за тем, как она кладет шарик на землю, а потом накрывает центральным стаканчиком. Он внимательно следил, как она передвигает его направо, потом отправляет налево, обводит вокруг него другим стаканчиком, а потом снова возвращает налево. Стремительным водоворотом она передвинула один стаканчик, потом другой – а потом замерла.

– Который? – с вызовом спросила она у него.

Фрейзе высыпал все мелкие монетки из своего кошелька на ладонь – и положил перед левым стаканчиком. Все мужчины, стоявшие рядом и наблюдавшие за игрой, тоже сделали ставки.

С тихим смешком девушка подняла левый стаканчик. Под ним было пусто. Она подняла средний – там оказался сверкающий стеклянный шарик.

Фрейзе со смехом покачал головой.

– Хорошая игра! И ты меня перехитрила! – признал он.

– Это обман! – громко заявил кто-то у него за спиной. – Я потратил почти целую серебряную лиру и наблюдал за игрой полчаса – и не понимаю, как она это делает.

– Вот потому-то игра и хороша, – с улыбкой сказал ему Фрейзе. – Если бы все видели, как это делается, то это был бы фокус для маленьких детей. Но у этой красавицы такие быстрые

руки, каких я еще в жизни не видел. Я не заметил, как она это сделала, а ведь разве что носом в стаканчики не утыкался.

– Она обманщица, и ее надо посадить в тюрьму как мошенницу! – жестко заявил тот же мужчина. Он казался угрюмым дурнем в своем маскарадном ярко-синем костюме с болтающейся шапочкой на голове и подвешенным колокольчиком, который звенел, когда он выставлял подбородок вперед. – А ты, наверное, в одной с ней шайке.

– В шайке? – медленно повторил Фрейзе. – И что это за шайка?

– Та шайка, которая посылает ее вымогать у добрых горожан заработанные честным трудом деньги!

Фрейзе посмотрел за спину разозлившегося мужчины и обратился к его друзьям.

– Отвели бы вы его домой, – мягко предложил он. – Людям не нравятся те, кто не умеет проигрывать.

– На нее надо донести дожу! – упорствовал мужчина, почти срываясь на крик, звеня колокольчиком при каждом движении головы. – У меня друзья во дворце, я знаком с несколькими членами Совета сорока! Я могу написать жалобу и подать ее, как и любой честный гражданин. Наш город зиждется на честных торговцах! Мы, венецианцы, не любим мошенников!

Фрейзе выпрямился, позволяя говорившему оценить его рост, широкие плечи и открытое дружелюбное лицо. Ишрак заметила, что девушка сложила деньги в кошель и спрятала его под юбку, а потом быстро переглянулась со своим сообщником в толпе. Ее партнер переместился так, чтобы при необходимости сразу оказаться между ней и недовольным игроком. Для девушки, играющей на улице, она казалась чересчур напуганной таким мелким происшествием. Ишрак ожидала, что та окажется привычной к стычкам.

– Нас это совершенно не касается, – негромко сказала Ишрак, кладя руку Фрейзе на плечо. – И нам не следует привлекать к себе внимания. Почему бы нам прямо сейчас не уйти?

– Верните мои деньги! – громко потребовал мужчина, перебрасывая край шляпы через плечо и стаскивая синие перчатки, словно готовясь к драке. – Верните сейчас же!

Катала сделал шаг вперед, оказавшись рядом с девушкой. Та наклонилась, разглаживая песок, и низко опустила голову, почти став на четвереньки.

Фрейзе обратился к разозлившемуся мужчине в синем.

– Погодите-ка, – сказал Фрейзе, не обратив никакого внимания на предостережение Ишрак. – Вы делали ставки на то, что красивый шарик окажется под стаканчиком?

– Да! – подтвердил мужчина. – Снова и снова.

– И вы ошибались?

– Да! Снова и снова!

– И ставили деньги?

– Шесть раз!

– Шесть раз! – изумился Фрейзе. – Тогда для такого умного человека у меня найдется один совет. Не тратьте здесь времени: поступайте в университет!

Совершенно сбитый с толку мужчина замялся, а потом все-таки спросил:

– Почему? Что ты хочешь этим сказать?

Все ждали ответа Фрейзе. Катала, готовый защищать девушку, замер над ней, а она с любопытством посмотрела вверх.

– В университете, в Падуе, принимают студентов, которые учатся там многие годы. А здесь, в одно только утро, вам понадобилось шесть попыток, чтобы понять: ее руки быстрее ваших глаз. Видите, насколько медленно до вас доходит очевидное! Подумайте, как долго вы могли бы учиться в Падуе! Это могло бы занять у вас всю жизнь. Вы могли бы стать философом!

Друзья мужчины разразились хохотом. Они хлопали его по спине и, называя философом, потащили прочь. Ишрак проводила их взглядом, а повернувшись, увидела, что девушка снова

готова начать игру. Ссора привлекла к ней внимание, и на этот раз ставок стало больше, на все три стаканчика, так что некоторым игрокам ей пришлось заплатить. Она забрала немного серебра, вручила выигравшим две золотые монеты по четверти нобля, после чего спрятала стаканчики и шарик и смела белый песок в щели между камнями мостовой, показывая, что игра закончена.

– Спасибо, – бросила она Фрейзе, застегивая сумку.

– Спасибо тебе за игру, – отозвался Фрейзе. – Я только приехал в город и рад был увидеть красивую девушку за работой. Как тебя зовут, милая?

– Джасинта, – ответила она. – А это мой отец, Драго Накари.

– Рад с вами обоими познакомиться, – заявил Фрейзе, стаскивая с головы шляпу и улыбаясь девушке.

Та встала на ноги и передала увесистый кошель с деньгами отцу.

– Ты не слышала о священнике, которого зовут отец Пьетро? – спросила у нее Ишрак, напоминая Фрейзе об их поручении.

Та кивнула.

– Его все знают. Он сидит вон там, на углу моста. У него маленький столик и длинный список со множеством имен попавших в рабство бедняг. Он приходит после службы. Вы найдете его там после часа дня.

Она кивнула им обоим и пошла прочь. Ее отец коснулся полей шляпы и пошел за ней. Фрейзе посмотрел ей вслед.

– Кажется, я влюбился, – вздохнул он.

– Кажется, ты безнадежно непостоянен, – отозвалась Ишрак. – Ты поклялся вечно служить Изольде, ты требовал от меня поцелуй, ты заигрывал с женой хозяина постоянного двора в Пикколо – а теперь приударил за девицей, которая только и сделала, что отобрала у тебя деньги.

– Но какие руки! – воскликнул Фрейзе. – Такие быстрые! Такие ловкие! Подумай только: если ты на ней женишься, то какие пироги она станет печь! С такими быстрыми и ловкими руками выпечка у нее должна получаться несравненная!

Ишрак захихикала при мысли о том, что Фрейзе тянет к юной девице потому, что решил, будто из нее выйдет отличная кондитерша.

– Будем ждать отца Пьетро?

Фрейзе кивнул и осмотрелся.

– А пока ждем, можно было бы обменять несколько монет. У меня есть горсть монет из запаса милорда. Луке поручено исследовать здесь золотые монеты: магистр его Ордена приказал ему искать золотые нобли. Может, нам подойти вон к тому человеку и посмотреть, нет ли у него английских ноблей?

Они прошли к длинному складному столу. За ним на табуретах рядом сидели менялы. У каждого рядом была небольшая грифельная табличка, на которой они постоянно записывали и переписывали предлагаемый курс обмена монет. Один из мужчин был занят гораздо больше остальных: к нему стояла очередь из людей, желавших вести дело именно с ним. У них на глазах он изменил свою табличку: теперь на ней значилось:

«Два венецианских дуката за один золотой нобль Англии».

Ишрак толкнула Фрейзе локтем.

– Они у него есть, – негромко сказала она. – Вон у того менялы. У него есть английские нобли – и по гораздо более выгодному курсу, чем у всех остальных.

Фрейзе подошел к мужчине, одетому во все черное, но с ярко-желтой круглой нашивкой на груди. Его темные волосы были заплетены в косы, уходящие от чисто выбритого лица назад, а на макушке была маленькая черная шапочка – кипа. Пальцы его сновали по малень-

кому выдавшему виды абаку, на столе перед ним стояли две запертые шкатулки, а за спиной возвышался молодой юноша-охранник.

– Мне бы хотелось обменять немного денег, – вежливо проговорил Фрейзе.

– Добрый день, – отозвался мужчина. – Сегодня я предлагаю только английское золото, английские золотые нобли. Сейчас их стоимость – два венецианских дуката.

– И вам добрый день, – ответил Фрейзе. – А это хорошая цена? Я в город только приехал.

– Я Израил, еврей. Даю слово, что лучшей цены вы не найдете.

Фрейзе достал кошель и высыпал его содержимое на стол, а потом пошарил по всем своим карманам – в штанах и куртке – и даже залез за тулью шляпы, доставая монеты из самых неожиданных мест, словно фокусник.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Ишрак, которую это зрелище немало позабавило.

– Осторожность никогда не бывает лишней, – объяснил Фрейзе. – Украдешь у меня кошель, но – ага! – половина моего состояния в шляпе.

Меняльщик принялся отделять медь от серебра, бронзы и обрезков металла и взвешивать их.

– А у вас много английского золота? – небрежно спросил Фрейзе.

– Я покупаю золото только наилучшего качества, – ответил тот. – В прошлом году эти английские нобли стали появляться в большом количестве. Они отличного качества: лучшего золота не бывает. Они не хуже слитков: монета из чистого золота, к ней ничего не добавлено и от них ничего не отрезано.

Он начал взвешивать монеты на идеально сбалансированных весах, используя гири, самая мелкая из которых была не больше пшеничного зерна.

– Как я вижу, вы путешественник, – отметил он. – Здесь монеты из Рима и из Равенны, и еще с запада Италии.

– Я служу господину, который приехал с запада Италии, – произнес Фрейзе ту ложь, которую они заранее придумали. Это давалось ему все легче и легче. – Молодому господину, который захотел посетить этот город и попробовать здесь торговать. У него есть доля в грузе корабля, который вот-вот должен прибыть.

– Более процветающего места выбрать нельзя. Желаю ему удачи, – негромко сказал меняла. – Скажите, чтобы он приходил ко мне, чтобы получить честный обмен золота. А сейчас, – он помолчал, с сомнением глядя на свои весы, – я, к сожалению, должен сказать, что часть ваших монет не очень хорошие. Некоторые из них разрубили для того, чтобы сделать их более мелкими, а некоторые – обрезали, так что они потеряли часть стоимости.

Фрейзе пожал плечами:

– В пути всякое бывает. Буду верить, что вы дадите мне честную цену. Ой! – воскликнул он. – Совсем забыл! – Он наклонился над столом и забрал одну медную монетку. – Я не должен был класть ее с остальными, – сказал он. – Ее я менять не хочу. Я храню ее на счастье.

– Когда это ты обзавелся счастливой монеткой? – спросила у него Ишрак. – Я подумала, что ты просто выдумал это для той девушки. Что в ней такого счастливого?

– Она лежала у меня в кармане, когда меня унесло море. У меня из карманов все вымыло, а эта монетка осталась, – объяснил Фрейзе. – И видишь: она отчеканена самим папой в Ватикане, в год моего рождения. Это же практически талисман! Может ли что-то быть счастливее?

Меняла чуть поклонился и положил остальные медные монетки на весы, уравновесил их и продемонстрировал Фрейзе результат.

– Вот ваша медь.

– Не хуже, чем я ожидал, – жизнерадостно отметил Фрейзе. – А теперь проверьте серебро.

– Могу дать вам за все половину нобля, – сказал меняла, взвешивая на весах горсти монет и обрезков металла.

– Беру! – ответил Фрейзе.

Мужчина ссыпал медные монеты в мешочек, а серебряные – в одну из шкатулок на столе. Он открыл вторую шкатулку, но едва Ишрак успела заметить блеск золота, как он уже извлек английскую монету в полнобля и вручил ее Фрейзе.

– И вы ее не взвешиваете? – спросила у него Ишрак. – Вы уверены в весе английского нобля?

Он отвесил поклон в ее сторону.

– Поэтому все и хотят получить английские нобли. Они всегда полновесные.

Он уверенно бросил монету на весы и показал ей вес.

– Пятьдесят четыре грана, – объявил он. – А полный нобль – сто восемь. Они все такие. Всегда. Это – безупречные монеты.

– С виду совсем новенькие! – восхитился Фрейзе. – Как будто только что отчеканены.

Меняла кивнул.

– Как я и сказал, это очень хорошие монеты, – подтвердил он.

– Но почему они такие блестящие и красивые? – спросила у него Ишрак. – Они же должны были прийти из Англии, с королевского монетного двора в Англии?

Тот пожал плечами.

– На самом деле они приходят с английского королевского монетного двора в Кале, – сухо бросил он. – Это можно определить по знакам на монете, если смотреть внимательно.

– Да они вообще не похожи на монеты! – возмутился Фрейзе, который привык к старым и выщербленным монетам, какие обычно при нем и были: к монетам, порезанным и стесанным людьми, которым нужно было превратить их в более мелкие, или же стертым от многих лет хождения.

– Спрячьте ее, пока у вас не отнял ее кто-нибудь менее разборчивый, – посоветовал ему меняла. – И пока другие не подумали, что с ней что-то не так. – Он бросил взгляд на соседей по меняльному столу. Кое-кто, сидевший за ним, пристально наблюдал за разговором. – Мы все меняем здесь деньги: наш город зависит от торговли не меньше, чем от воды. Никому не нужно, чтобы человек рассматривал монету и сомневался в ее ценности. На полновесный пикколи можно купить краюху хлеба и рыбы на обед. Скажите людям, что пикколи стоит не грош, а только полгроша, и вы купите краюху, но без рыбы. Доверие к монетам – это то, на чем основана торговля в этом городе. Мы не любим, чтобы кто-то сомневался в наших монетах. Наши монеты – настоящие, а эти нобли исключительно хороши: все продают их дороже, чем за два дуката. Завтра я опять подниму цену. Вам повезло, что сегодня я назначил такую цену. Берите или уходите.

– Да я ни в чем и не сомневался, – доброжелательно заверил его Фрейзе. – Я ею восхищался: так меня поразило ее качество. Благодарю, что были так терпеливы.

Он вежливо поклонился меняле, после чего они с Ишрак повернулись и неспешно пошли к Рияльто.

– Покажи-ка! – с любопытством попросила Ишрак. – Какая она, эта монета?

Вместо ответа Фрейзе просто протянул ей монету. Она была яркая, словно только отчеканенная – только что отполированное золото. На одной ее стороне было изображение короля на носу своего судна, а на второй – восьмилепестковая геральдическая роза. В Англии ее стоимость составляла три шиллинга и четыре пенса, одну шестую фунта. В Венеции сегодня ее можно было обменять на золотой дукат, а завтра ее стоимость могла увеличиться или уменьшиться.

– С виду новенькая, – отметил Фрейзе. – Что бы он ни говорил.

– Но кто бы стал чеканить фальшивые английские нобли в Венеции? – вслух задумалась Ишрак.

– Именно на этот вопрос милорд и поручил Луке найти ответ, – согласился Фрейзе. – Но я не могу не задуматься, почему милорда это так заинтересовало. Это вряд ли можно считать признаком конца света. Это нельзя назвать святейшим расследованием. Если уж Орден Тьмы дал Луке поручение путешествовать по христианскому миру и искать признаки конца света, с чего вдруг приказывать ему найти источник золотых монет в Венеции? Казалось бы, это слишком мирской вопрос, чтобы им интересовался Орден, созданный папой римским с целью определить время наступления конца света. Какое им дело до стоимости английских ноблей?

По ее опущенному взгляду он понял, что она относится к милорду не менее скептически, чем он сам.

– А! Он нравится тебе не больше, чем мне, – отметил он прямо.

– Я его не знаю, – сказала она. – Да и кто вообще его знает? Он ни разу не позволил никому из нас увидеть его лицо. Он не рассказал нам ничего – только приказал под маской отправиться в Венецию и разузнать про эти монеты. Он распоряжается Лукой и братом Пьетро как магистр их ордена, но не дал нам ни малейшего повода ему доверять. Он ненавидит оттоманцев, словно они – ядовитые твари... ну, это я еще могу понять: они только что захватили Константинополь, и он считает, что если они доберутся до Рима, то настанет конец света. Но я не могу доверять человеку, который живет так, словно постоянно находится на грани чудовищной катастрофы. Все его дела, вся его жизнь – это ожидание конца света. Он – человек обозленный и испуганный, и он мне совершенно не нравится.

– И потому тыпустила в наш дом его врага, – мягко проговорил Фрейзе.

– Я выпустила его из дома, – поправила она его. – Я услышала оттоманского капитана, Раду-бей, на лестнице. Не знаю, как он вошел. Он сказал, что только что имел секретный разговор с милордом, и я выпустила его из дома. Я не знала, что он угрожал милорду. Но не уверена, что меня вообще это волнует, даже если бы это было действительно так.

– Милорд сказал, что в дом проник убийца. Что его могли заколоть во сне.

– Милорд много чего говорит, – отозвалась она. – Но в комнату к нему точно проник именно Раду-бей – и он приколол на грудь спящему милорду свой знак. Он мог его убить, но не убил. Я понимаю, что они с оттоманским вельможей враги: они по разные стороны в величайшей войне на свете, с одной стороны джихад, с другой – походы крестоносцев, но это не объясняет, на чьей стороне правда и кто из них лучше как человек.

Фрейзе был шокирован.

– Мы же христиане! – воскликнул он. – Мы служим Луке, который служит церкви. Крестовые походы – это священная война против неверных!

– Это вы – христиане, – напомнила она. – Вы четверо. А я – нет. Я хочу сама решить. И я просто слишком мало знаю о господине Луки... и об оттоманском вельможе тоже.

– Нам придется следовать за господином Луки: мы ведь не можем бросить Луку, – заявил Фрейзе. – Я люблю его, как брата, а твоя госпожа не расстанется с ним, если ее не вынудят. А ты?.. – Он адресовал ей мимолетную улыбку. – Ты же голову от него потеряла, разве нет?

Она рассмеялась.

– Я ни от кого головы не теряла! – сказала она. – Она у меня крепко держится. Да, он заставляет мое сердце биться чуть быстрее, готова это признать. Но ничто на этом свете не заставит меня потерять голову. Мне она нужна.

– Настанет день, – торжественно предупредил ее Фрейзе, – и ты обнаружишь, что потеряла голову от любви ко мне. Надеюсь, что ты не будешь слишком с этим тянуть.

Она рассмеялась.

– И какая это была бы ошибка! Достаточно только посмотреть, как ты ухлестываешь за другими женщинами!

– И в этот день, – продолжал Фрейзе, не обращая внимания на ее смех, – в этот день я буду к тебе добр. Я тебя обниму, я разрешу тебе меня обожать.

– Я это запомню! – пообещала она.

– И вот еще что запомни, – сказал Фрейзе уже серьезнее, – Лука поклялся повиноваться магистру своего Ордена. Я пообещал следовать за Лукой и служить ему. Ты путешествуешь с нами. Ты не должна поддерживать наших врагов.

– А как насчет наших друзей? – упрямо спросила она. – И таинственных поручений, которые Лука получает от своего господина? Слуга Церкви приезжает в Венецию во время карнавала с приказом спекулировать золотом и продавать товар с корабля? Это в твоей церкви – священное дело?

Колокол Сан-Джакомо начал звонить прямо над их головами, и стаи голубей сорвались с церковной крыши, так что спор пришлось прервать.

– Час дня, – сказала Ишрак. – А это, наверное, отец Пьетро.

Они увидели немолодого седовласого мужчину, одетого в рясу бенедиктинца из некрашеной шерсти, с мокрым от святой воды лбом, который, продолжая креститься, шел через людную площадь. Купцы, негоцианты и прохожие приветствовали его по имени, пока он пробирался в толпе. Он приостановился, чтобы благословить поздоровавшегося с ним ребенка, а потом, наконец, добрался до начала моста Риальто, где небольшая каменная тумба, предназначенная для швартовки лодок, служила ему сиденьем.

Он занял свое место, после чего слуга, шедший за ним следом, установил небольшой столик, развернул длинный скрученный свиток и вручил священнику перо. Отец Пьетро осмотрелся, окунул перо в чернильницу и стал ждать, держа перо наготове. Он явно был готов приступить к делам, но Ишрак с Фрейзе не успели с ним заговорить: вокруг него уже собралась небольшая толпа: люди выкрикивали имена своих родственников и забрасывали его вопросами.

Ишрак с Фрейзе смотрели, как монах просматривает свой список, вносит в него новые имена, сообщает о тех, кого ему удалось разыскать, и дает советы просителям. Для одного молодого человека у него нашлось радостное известие: его двоюродного брата отыскали на захваченной территории Греции, и хозяин был согласен на продажу.

Большая часть Греции была захвачена Оттоманской империей, так что грекам приходилось служить турецким господам и платить ежегодную дань. Этот обращенный в рабство мужчина работал на ферме у одного из захватчиков. Хозяин назвал цену, и отец Пьетро счел ее приемлемой, хотя она была обозначена как «лира ди гроссо» – десять дукатов, годовой заработок рабочего.

– Где я возьму такие деньги? – спросил мужчина.

– Твоему храму следует провести сбор денег для выкупа твоего родственника, – посоветовал монах. – А Его Святейшество ежегодно выделяет деньги на освобождение христиан.

Если ты соберешь часть денег, я смогу ходатайствовать об оставшейся сумме. Приходи, когда у тебя будет по крайней мере половина, и мы обменяем ее на английское золото. В этом году рабовладельцы хотят получать только английские нобли. Но я обеспечу тебе справедливый курс у меня.

– Господи, благослови! Благослови тебя Бог! – выпалил молодой человек и нырнул обратно в толпу.

Несколько человек подошли ближе и о чем-то негромко поговорили, а потом перед столиком монаха очутились Фрейзе с Ишрак.

– Отец Пьетро? – уточнил Фрейзе.

– Так меня зовут.

– Рад, что нашел вас. Я приведу к вам моего господина: он разыскивает родителей, которых захватили в рабство.

– Сочувствую ему – и им. Молю Бога, чтобы Он вернул их домой, – мягко отозвался монах.

– Можно привести его к вам сюда завтра? – спросил Фрейзе.

– Да, сын мой. Я всегда здесь. Дело моей жизни – искать заблудших овец, украденных из стада. Как зовут его отца и мать?

– Их фамилия – Веро, и он получил известие об отце. Его отец – Гвиллиам Веро. Говорят, что он был галерным рабом на корабле, принадлежавшем...

Фрейзе с досадой хлопнул себя по широкому лбу.

– Байиду, – подсказала ему Ишрак. – Но нам сказали, что это было несколько лет назад. Мы точно не знаем, где он сейчас.

Отец Пьетро кивнул.

– Мне этот Байид известен. Я сегодня вечером просмотрю те списки, которые хранятся у меня дома, и спрошу кое-кого из недавно отпущенных рабов, – пообещал он. – Недавно Байид продал мне одного своего раба. Возможно, этот человек знает что-то о Гвиллиаме Веро. Надеюсь, что завтра я смогу дать вам какой-то ответ.

– Байид продал вам какого-то галерного раба? – переспросила Ишрак.

– Он купец, – проговорил отец Пьетро так спокойно, словно ничто на свете уже не может удивить его. – Он торгует рабами так, как английские купцы торгуют тканями. Христианские души для него такой же вид товара, как и все остальные, да простит его Бог. Он продал мне раба за десять дукатов, но потребовал, чтобы ему заплатили английским золотом, так что мы отправили ему восемь английских ноблей. Тогда они стоили меньше, чем сейчас.

– А почему они не берут выкуп дукатами? – удивилась Ишрак. – Ведь это же венецианские деньги!

– Они всегда требуют или золото в слитках, или такие деньги, которым они могут доверять. В этом году они просят английские нобли, потому что в каждой монете всегда сто восемь гран золота. С английскими монетами они всегда знают, что получают. В некоторых странах монеты выпускают из металла с большим количеством примесей. Вы убедитесь, что в здешних пикколи почти совсем нет серебра. Чуть ли не одно только олово. Опасайтесь фальшивых монет. – Тут монах ласково посмотрел на Ишрак. – А ты, дитя? Что ты делаешь так далеко от дома? Ты рабыня или свободная?

– Свободная. – Под вуалью Ишрак покраснела. – Моя мать приехала в эту страну по доброй воле, а я родилась здесь.

– Твой отец христианин?

– Я не знаю своего отца, – глухо призналась она. – Мать ни разу не назвала мне его имени. Но она говорила, что они были женаты. Мой отец был христианином, а моя мать была свободной.

– А какова твоя вера?

– Мать учила меня Корану, а лорд-христианин, который взял нас к себе в дом, читал мне Библию. А сейчас они оба умерли. Я не исполняю обрядов ни одной из религий. Боюсь, что я не имею веры.

Он тихо ахнул, огорчаясь такому отсутствию набожности, и покачал головой.

– Дитя мое, я буду молиться за тебя и надеяться, что ты найдешь дорогу к истинной вере. Ты не придешь ко мне для вразумления?

– Если вы настаиваете, – неохотно согласилась Ишрак. – Но, отче, к сожалению, должна признаться, что учения веры мне плохо даются.

Он улыбнулся ей, словно ее смелость позабавила его.

– Потому что другое учение тебе дается очень хорошо? Что ты читаешь, моя ученая дочь?

Она кивнула, игнорируя его мягкую иронию.

– Я и правда учусь, отче. Меня интересуют новые знания, – ответила она. – Труды греков, которые начали переводить арабские ученые, чтобы мы все могли черпать из них мудрость.

– Да благословит тебя Бог, дитя мое, – с жаром проговорил он. – Я буду молиться, чтобы Господь коснулся твоего сердца и чтобы ты была готова получать знания через откровения, а не через учение человеков. Но разве тебе не хочется снова вернуться домой?

Она на секунду задумалась.

– Я и не знаю, какое место сейчас могу назвать домом. Тот дом, где я выросла – замок Лукретили, – захвачен вором, братом моей подруги, а я поклялась помочь ей его вернуть. Я была бы рада за него сражаться и увидеть, как он будет ей возвращен. Но даже если мы победим, даже если она вернется домой, чтобы там жить... я не смогу говорить, что это действительно мой дом. – Ишрак устремила на него открытый взгляд черных глаз. – Отче, иногда я начинаю бояться, что мне нигде нет места. У меня нет ни отца, ни матери, ни дома.

– А может, ты свободна, – негромко заметил отец Пьетро.

Мысль оказалась настолько новой, что Ишрак ничего не ответила.

Он улыбнулся.

– Принадлежать кому-то – значит всегда быть чем-то связанным: долгом верности, работой, временем, любовью, налогами. Ты – необычная молодая женщина, раз не принадлежишь ни какому-то мужчине, ни какому-то месту. Тобой не распоряжается твой хозяин или твой муж. Это значит, ты вольна выбирать, где жить. Ты вольна выбирать, как жить.

– Я... – промямлила Ишрак, – это правда. Я свободна.

Он поднял палец.

– И потому сделай правильный выбор, дочь моя. Постарайся идти путями Господними. Ты свободна жить свободно по Его святым законам.

Затем он с мягкой улыбкой обратился к Фрейзе:

– А ты, сын мой, во Христе?

– О, я никому не интересен! – жизнерадостно сообщил Фрейзе. – Раньше помогал на кухне в монастыре, теперь служу молодому господину. Денег всегда мало, всегда хочется есть, всегда радуюсь. Обо мне не тревожьтесь.

– Ты посещаешь церковь? – спросил отец.

– Да, конечно, отче, – подтвердил Фрейзе, почувствовав легкий укол стыда: ходил-то он туда регулярно, а вот слушал редко.

– Тогда ходи путями Господними, – посоветовал ему отец, – и помогай бедным, а не игрокам.

Ишрак округлила глаза, удивляясь, что отец видел, как они делали ставки в игре с шариком и стаканчиками.

– А они всегда здесь? – спросила она.

– Каждый день, и одному только Богу известно, сколько пикколи они собирают с глупцов и транжир, – ответил он. – Это – ловушка для простаков, и каждый день они уходят отсюда с набитым серебром кошельком. Больше не трать на них деньги. – Он улыбнулся и, подняв руку, благословил их обоих. – И передай своему хозяину, что я жду его завтра.

* * *

Когда гондола с Ишрак и Фрейзе причалила у великолепного особняка, Изольда, брат Пьетро и Лука уже их дожидались. Изольда распаковала новую одежду, пережившую путешествие из Равенны, и тщательно обследовала все их новое жилище. Она увела Ишрак наверх, а Фрейзе в апартаментах мужчин сообщил Луке, что они отыскиали отца Пьетро.

– Красивее дома я в жизни не видела, – призналась Изольда Ишрак. – Лукретики был величественный, а этот – красивый. Каждый уголок – словно картина. Тут есть внутренний двор с крытой галереей по всем четырем сторонам и чудесный сад. Когда станет теплее, мы сможем гулять по двору и сидеть в саду.

– Но мы ведь будем гулять по набережным и площади? И будем выезжать на гондоле? – спросила Ишрак.

Изольда чуть поморщилась.

– Оказывается, дамы в Венеции из дома мало выходят. Так сказала Мария, домоправительница. Нам придется оставаться дома. Раз в день можно ходить в церковь и, наверное, навещать друзей у них дома. Но в основном дамы сидят у себя. Или наносят визиты другим дамам.

– Я не могу сидеть взаперти! – запротестовала Ишрак.

– В Венеции так принято. Если мы хотим, чтобы нас считали сестрой преуспевающего молодого торговца и ее компаньонкой, придется вести себя именно так. Это же ненадолго – только до тех пор, пока Лука не найдет источник золотых монет и не отправит милорду доклад.

– Но на это могут уйти недели, если не месяцы, – ужаснулась Ишрак.

– Наверное, мы могли бы плавать по каналам на нашей гондоле, – предположила Изольда, – если опустим вуали или будем сидеть в каюте.

Ишрак недоумевающе посмотрела на нее.

– Мы в одном из богатейших и интереснейших городов всего христианского мира, и ты хочешь сказать, что нам не дозволено ходить пешком?

Изольда заметно смутилась.

– Тебе, наверное, можно ходить на рынок с Фрейзе или со старшей женщиной, – сказала она. – А мне нельзя. Мне даже не разрешили послушать лекцию, хотя она должна проходить в капелле при церкви.

– А что за лекция? – моментально заинтересовалась Ишрак.

– В церкви есть священник, который изучает все на свете. Он состоит при университете Венеции, а иногда ездит в Падую, чтобы там заниматься. Он читал лекцию после службы, и Лука задержался, чтобы его послушать. Лука говорил с ним насчет радужной мозаики в мавзолее Галлы Плацидии.

– А что в это время делала ты?

– Брат Пьетро сопровождал меня домой. Брат Пьетро считает, что женщинам ученье ни к чему.

Ишрак раздраженно дернула плечом.

– А Луку лекция впечатлила?

– О, да: он хочет еще раз пойти. Он хочет учиться, пока мы здесь. Тут во дворце дожей есть огромная библиотека, есть традиции исследований. Там собраны рукописи со всего света и работает печатная мастерская, где издают книги. Не расписывают от руки, не копируют пером и чернилами, а печатают сотнями на специальном станке.

– Станок, чтобы делать книги?

– Да. Он может мгновенно напечатать страницу.

– Но, надо полагать, ни тебе, ни мне лекции слушать нельзя? Или пойти посмотреть, как делают книги? Все это учение – только для мужчин? Хотя у арабов есть женщины-ученые и женщины-учителя?

Изольда кивнула.

– Брат Пьетро говорит, что у женщин головы слишком слабые для учения.

– Старый хрен, – пробормотала Ишрак себе под нос и направилась к лестнице.

Лука и брат Пьетро были в парадной столовой, окна которой выходили на Гранд-Канал. Лука закрыл жалюзи на больших окнах и чуть сдвинул одну планку, чтобы луч солнца падал на осколок стекла, который он прихватил в Равенне. Когда они вошли, Лука повернулся к ним.

– Я говорил с одним ученым в Сан-Марко, – сказал он Ишрак. – Он заявил, что, прежде чем задумываться о радуге, надо понять, как вообще видят.

Ишрак выжидающе посмотрела на него.

– По его словам, арабский философ Аль-Кинди считал, что люди видят потому, что из наших глаз выходят лучи, которые потом отскакивают от всего и возвращаются обратно в глаз.

– Аль-Кинди? – переспросила она.

– Ты о нем слышала?

– Когда училась в Испании, – объяснила она. – Он перевел Платона на арабский язык.

– Я смогу прочесть его труды?

Лука встал из-за стола и положил осколок стекла.

Она кивнула:

– Его наверняка переводили на латынь.

– Тебе надо удостовериться, что это – не еретические тексты, – напомнил ему брат Пьетро. – Раз уж они пришли от древних греков, которые не знали о Христе, и переданы мыслителем-неверным.

– Но все переводилось с греческого на арабский! – возмущенно воскликнул Лука. – Не на итальянский, не на французский, не на английский! И только сейчас все начали переводить на латынь.

Ишрак адресовала ему короткую самодовольную улыбку.

– Просто арабы изучали мир и занимались математикой и философией, когда итальянцы еще... – Тут она прервалась. – Я даже не знаю, чем они занимались, – призналась она. – А вообще была ли Италия?

– Когда именно? – спросила Изольда, выдвигая себе стул и садясь за стол.

– Примерно в девятисотом году после Рождества Христова, – ответила ей Ишрак.

– Тогда существовала Византийская империя и захваченные мусульманами земли. Помоему, Италии на самом деле не было.

Фрейзе помог принести еду с кухни, но стоило двери столовой закрыться, как он оставил притворство и сел со всеми за стол. Обведя взглядом сотрапезников, Изольда решила, что их легко принять за дружную счастливую семью. Симпатия, существующая между четырьмя молодыми людьми, была очевидна, а брат Пьетро был похож на несколько недовольного ими старшего брата.

– Они изобрели сыр горгонзола, – объявил Фрейзе, нарезая большой окорок и передавая сотрапезникам ломти.

– Что?

Лука подавился смехом и искренне изумился.

– Они изобрели сыр горгонзола в долине По, – повторил еще раз Фрейзе. – Не думаю, чтобы итальянцы в девятисотом году изучали смысл радуги. Они делали сыры. – Он повернулся к Луке. – Помнишь Джиорджио из нашего монастыря? Родом из долины По? Очень гор-

дился их историей. Рассказал нам про сыр горгонзола. Сказал, что они его делают уже пятьсот лет. И очень даже хорошо. Наверное, полезнее, чем радуга.

Он положил себе пару толстых ломтей окорока, сел на место и начал мазать хлеб маслом.

– Ты просто источник бесконечных сюрпризов! – сказал ему Лука.

– Рад быть полезным, – самодовольно отозвался Фрейзе. – И это еще не все. Тебе будет интересно вот это. – Фрейзе положил хлеб, обтер пальцы о штанину и выудил из кармана золотой полунобль. – Я обменял его на свои мелкие монеты. Золотой полунобль из Англии. Ведь именно с такими монетами милорд поручил тебе разобраться?

Лука протянул руку за блестящей монетой и принялся ее разглядывать.

– Да, английский полунобль. Безупречный, – проговорил он. – Ни единой отметины.

Он передал монету брату Пьетро. Тот рассмотрел ее и передал Изольде.

– А почему милорда интересуют эти монеты? – спросила она.

Ишрак с Фрейзе переглянулись: Изольда задала именно тот вопрос, который волновал и их.

– Он считает, что кто-то мог открыть золотые копи и тайно их разрабатывать, – ответил брат Пьетро. – Этот человек не платит налог и не платит штрафов, которые должны отходить церкви. Милорд желал бы, чтобы церковь получила причитающиеся ей деньги. Это будет целое состояние. Или же какой-то преступник их подделывает.

– Так вы считаете, что эти монеты фальшивые? Выглядят как английские нобли, но изготовлены из менее качественного металла? – уточнил Лука.

– Меняла сказал, что они идут с английского монетного двора в Кале, – пояснил Фрейзе. – Но стал очень строг, когда я начал про них спрашивать: предупредил меня, чтобы я не задавал вопросов. Он не хотел, чтобы кто-то говорил что-то такое, что может снизить ценность этих монет.

– А их высоко ценят?

– Даже слишком высоко, наверное, – предположил Фрейзе. – Цену подняли прямо у нас на глазах. Он сказал, что завтра он курс обмена повысит. Похоже, все хотят пользоваться именно ими: за нами образовалась очередь. Все говорят, что это чистое золото, без примесей. Это очень необычно. В большинстве монет драгоценный металл смешан с каким-нибудь более легким. А хорошие монеты обрубают и обрезают. А эти выглядят безупречно.

– Есть только один способ в этом убедиться. Надо их проверить и посмотреть, сколько в каждой монете настоящего золота, – заявил Лука.

– И как мы будем их проверять? – спросила Изольда. – Спрашивать у золотых дел мастеров нельзя: Фрейзе уже сказал, что здесь будут недовольны вопросами относительно качества местных монет.

Брат Пьетро немного смутился и запустил руку во внутренний карман своей куртки.

– У тебя есть распоряжения! – возмущенно воскликнул Фрейзе при виде небольшого свитка.

– Милорд оказал мне честь...

– Опять тайные распоряжения! – вскипел Фрейзе. – И куда нам теперь надо ехать? Стоило только нам устроиться и открыть для себя печенку по-венециански? Когда Лука начал учиться в университете и собирается на встречу с отцом Пьетро? Как раз тогда, когда он мог бы найти отца? Только не говори, что мы должны уехать! Мы не завершили свою миссию – мы даже еще не начали! Девушки даже не купили себе карнавальные наряды!

– Тише! Тише! Нам пока не надо переезжать, – ответил брат Пьетро. – Но если бы милорд отдал такой приказ, то нас бы не остановило то, что ты только что познакомился с венецианским блюдом из печени с луком, а девушки желают купить новые платья. Это – суета сует, Фрейзе! И жадность. Нет, милорд просто дал мне инструкции на время нашего пребывания в Венеции. Например, нам надо пойти на Риальто, когда прибудет наш корабль, и забрать

нашу долю груза, затем надо продать его с выгодой. Кроме того в распоряжении сказано, какой именно товар будет привезен. А вот здесь – список проверок, которым надо подвергнуть золотые монеты, когда они у нас появятся.

Он посмотрел на Ишрак.

– Инструкции написаны на арабском, – признался он смущенно. – Это – наука неверных. Я подумал, что ты сможешь прочитать их брату Луке, а он проверит золото.

Ишрак одарила его торжествующей улыбкой.

– Вам нужны мои знания, брат Пьетро?

Их старший спутник скрипнул зубами:

– Нужны.

– И вы не считаете, что перевод рецепта проверки золота окажется такой тяжелой нагрузкой на мой бедный женский разум, что он повредится?

– Надеюсь, ты выживешь.

– И вы не считаете, что такие знания следует хранить мужчинам – и только мужчинам?

– Не в этом случае.

Она повернулась к Луке:

– Ты хочешь, чтобы я перевела тебе эти рецепты? Ты будешь проверять это золото?

– Конечно, – ответил Лука. – Можно использовать комнату рядом с моей спальней. У нас будет собственная пробирная лаборатория!

Только Фрейзе заметил тень, пробежавшую по лицу Изольды при мысли о том, что эти двое будут целый день работать в небольшой комнатке.

– А завтра мы сходим и обменяем на золото еще какое-то количество монет, – добавил брат Пьетро. – Нам надо будет проверить несколько монет, для полной уверенности.

– А девушки смогут купить новые платья! – радостно сказал Фрейзе. – И маски, и шляпы. А я пороюсь в шкатулках и постараюсь отыскать побольше монет, которые мы превратим в английские золотые нобли. В этом городе можно составить небольшое состояние, ничего не делая – только совершая покупки в нужный момент.

Следующим утром сразу после завтрака Ишрак с Лукой устроились рядом за столом в свободной комнатке рядом со столовой, молчаливые и сосредоточенные. Лука уставился на шесть красивых золотых монет, купленных братом Пьетро у менял. Перед Ишрак лежал свиток. Она аккуратно развернула его, придавила грузиками сверху и снизу, чтобы он не скрутился обратно, и начала переводить с арабского на итальянский.

– Тут говорится, что сначала надо посмотреть и найти клеймо золотых дел мастера или знак монетного двора.

Лука внимательно рассмотрел каждую монету по очереди.

– Да, – сказал он. – Они все помечены как английские нобли, отчеканенные англичанами в Кале. Знаки на всех совершенно одинаковые. Идентичные.

Он сделал пометку на положенном перед ним листке, а потом наложил листок бумаги на монету и осторожно потер бумагу палочкой цветного сургуча. На бумаге возникло изображение монеты.

– Что дальше?

Ишрак заправила локон темных волос за ухо.

– Проверить наличие пятен и особенно потертостей, – прочитала она. – Если сквозь золото проглядывает другой металл, тогда это позолота, золотое покрытие поверх более дешевого металла.

Лука послушно покрутил монеты, глядя на идеально ровные края монет.

– Они безупречные. Все без исключения. Один цвет везде.

– Укуси ее, – сказала она.

– Что?!

Она захихикала, и он, взглянув на нее, улыбнулся.

– Так здесь написано. Золото мягкое. Закуси его, поддержи во рту, досчитав до сотни, а потом посмотри на монету. Если это золото, твои зубы должны будут оставить отметину.

– Кусай ты, – предложил Лука.

– Я – переводчик, – скромно возразила она. – А ты – оценщик. Я всего лишь женщина. В твоей вере, по-моему, это я говорю тебе кусать яблоко. И потом, я не собираюсь ломать об нее зубы. Это ведь тебе надо знать, вот ты и кусай.

– Сам Господь говорит нам, что это представительница твоего пола первой кусала яблоко, – напомнил ей Лука. – Так что кусать будем оба.

Приняв такое решение, он протянул ей полунобль, а себе взял монету в целый нобль. С серьезным видом они вложили монеты в угол рта, закусили их, досчитали до ста, а потом проверили результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.